

Annotation

Забавные и увлекательные рассказы известного английского музыканта про жизнь и творчество великих композиторов. Бах, Моцарт и Бетховен, Шуман, Брамс, Стравинский откроются вам с неожиданной стороны. оценки: 1: 5Оглавление .

- [Стивен Иссерлис Всякие диковины про Баха и Бетховена, а также про Моцарта, Шумана, Брамса, Стравинского](#)
  - [Предисловие](#)
  - [Иоганн Себастьян Бах 1685—1750](#)
  - [Вольфганг Амадей Моцарт 1756—1791](#)
  - [Людвиг ван Бетховен 1770—1827](#)
  - [Роберт Шуман 1810—1856](#)
  - [Иоганнес Брамс 1833—1897](#)
  - [Игорь Стравинский 1882—1971](#)
-

**Стивен Иссерлис Всякие диковины про
Баха и Бетховена, а также про Моцарта,
Шумана, Брамса, Стравинского**

Предисловие

Музыка — это своего рода волшебство. Кто её придумал? Неизвестно. Откуда она берётся? Неизвестно. Кто её сочиняет? Неиз... Нет, постойте! Вот это как раз известно. Музыка сочиняют композиторы. Они рисуют на листке бумаги всякие разные точки и линии, потом приходят исполнители со своими инструментами и голосами, смотрят на эти точки и линии и делают из них звуки. Всё очень таинственно. Или нет? Ведь слова, которые вы сейчас читаете — тоже всего-навсего точки и линии, только другие. Вы знаете, что они означают, поэтому, глядя на них, можете извлекать из них звуки (и смысл). Может быть, музыка это просто другой язык? Но в музыке всё-таки ЕСТЬ что-то более волшебное. Диапазон звуков намного-намного больше, чем в любом разговорном языке, а поскольку эти звуки не привязаны к какому-то конкретному значению, они и выражать могут намного больше. Например, нет такого музыкального звука, который обозначал бы понятия «сосиска» или «грязное бельё». С другой стороны, музыкальное предложение или фраза могут звучать радостно, грустно, задумчиво, тоскливо и энергично, причём одновременно! Никаких слов не хватит, чтобы передать сразу столько смыслов. Возможно, когда-нибудь в будущем мы прилетим на далекую планету за миллионы световых лет от нас и повстречаем незнакомую расу живых существ, которые разговаривают только музыкой. Но они, конечно, будут стоять на куда более высокой ступени развития.

Мне очень повезло по части музыки. Я вырос в доме, наполненном звуками. Мой отец играл на скрипке, мать — на фортепиано (и немного на кларнете, пока мы тайком не засунули туда тряпку, чтобы она подумала, будто он сломался, и перестала на нём упражняться круглые сутки; конечно, мы поступили дурно, но это помогло), моя старшая сестра играла на альте и фортепиано, а средняя — на скрипке и фортепиано. А ещё у нас был пёс по кличке Денди (он, к сожалению, давно уже обследует фонарный столб на небесах); когда мы играли на фортепиано одну пьесу Моцарта, Денди просыпался в своём кресле, ставил короткие лапки на подлокотник и завывал от всей души. Если мы фальшивили, он переставал узнавать эту пьесу, бросал на нас презрительный взгляд, с отвращением фыркал и снова засыпал. Итак, ничего удивительного, что все имена из этой книжки — Бах, Моцарт, Бетховен и другие — я знал всегда, но я почти ничего не знал о них как о людях. И только когда я стал брать уроки виолончели у моего

главного учителя, дамы по имени Джейн Коуэн, — только тогда я малопомалу стал узнавать этих людей. Она оживила их! Она цитировала отрывки из их писем, рассказывала о них разные истории, смеялась музыкальным шуткам, которые встречаются в их произведениях, — в общем, помогла мне с ними подружиться. И они оказались настоящими друзьями. Конечно, были тут и свои сложности: скажем, когда у меня было скверно на душе, я не мог взаправду взять и позвонить Моцарту — трудно дозвониться до человека, который умер в 1791 году. Но я мог хотя бы почитать о его жизни, послушать его музыку, а это бесконечно меня завораживало тогда, да и сейчас завораживает бесконечно.

О, какое нетерпение охватывает человека, который хочет перезнакомить наконец своих друзей! Они ещё ни разу не встречались, а он любит их и уверен, что они обязательно должны друг другу понравиться. Вот почему я написал эту книгу. Мне очень повезло: в детстве я познакомился со всеми этими композиторами — блистательными, порой ужасно невыносимыми, порой очень смешными, но всегда удивительно живыми людьми. Я хотел, чтобы и вы с ними познакомились и обрели друзей на всю жизнь, верных друзей, которые и сейчас говорят с нами посредством музыки, хотя их давно уже нет в живых. Я надеюсь, вы подружитесь!

Но почему «всякие диковины»? А вот почему. Моя любимая история — о том, как Бетховен швырялся рагу. Точнее, это было не совсем рагу, а тарелка телятины, щедро залитой соусом. Диковинный случай, согласитесь. Я даже хотел так и назвать свою книжку: «Почему Бетховен швырялся рагу», но почувствовал, что это, как говорится, «не звучит». Однако в своих рассказах я старался быть предельно точным; всё равно в жизни этих необыкновенных людей, этих великих музыкантов случалось такое, что и впрямь нарочно не придумаешь. Так что читайте, и вы узнаете не только почему Бетховен разлил соус, но и почему Бах прошагал пешком 400 километров (или 250 миль), отчего растерялся парикмахер Моцарта, почему Стравинский был арестован вместе с одним знаменитым художником и не попал на обед, который у него был назначен с другим, и многое другое. Веселитесь от души!

Иоганн Себастьян Бах 1685—1750

Надеюсь, что этого никогда не случится, но если бы, гуляя по берегу моря, я нашёл таинственную бутылку, заткнутую старой пробкой, и неосмотрительно открыл эту пробку, а из бутылки вылетел бы джинн, который, вместо того чтобы поблагодарить меня за освобождение из бутылки, где он томился в темноте и неподвижности, и избавление от судорог, прорычал бы: «Предоставляю тебе выбор: до конца жизни ты сможешь слушать музыку только одного композитора. Ну, выбирай!» Что бы я сказал?

Ну, прежде всего я бы заметил — конечно, очень вежливо (наверное, я старомоден, но я предпочитаю быть как можно более вежливым со свирепыми зелёными чудовищами, зловеще нависающими у меня над головой), — что большинство джинов, высвобожденных из бутылки, как правило, любезно предлагают исполнить три заветных желания, а не ставят перед единственным выбором, который навсегда лишил бы меня возможности слушать музыку десятков моих любимых композиторов. Может быть, джинн тут же покраснел бы от стыда, прикусил зелёную губу и промямлил: «Ой! Извините, хозяин. Ошибка вышла, оговорился. Загадывайте всё что хотите, три, нет, четыре раза — один раз в отместку за мою глупость». С другой стороны, может, он бы ничего такого не сказал. Может, он прорычал бы: «Я сказал — один композитор, значит, один! И не вздумай спорить, или я запихну в бутылку тебя!» Тут уж мне пришлось бы поскорее ответить: «Хорошо, о не слишком благородный джинн! Если я должен выбрать одного композитора на всю жизнь, пусть это будет Иоганн Себастьян Бах».

А теперь предположим, что джинн исчез (тут я бы с облегчением вздохнул — по-моему, крайне необаятельный субъект), а на его месте оказались вы. Вы не парите у меня над головой, а встали прямо передо мной, демонстративно скрестили руки и сказали: «Да? И чем же он так велик, этот Иоганн Себастьян Бах? И каким он был?» Что бы я ответил? Вероятно, я бы слегка замешкался с ответом, изучая свои ботинки, а потом, наверное, сказал бы так: «Его величие в его музыке — она была да и остается абсолютно гениальной! Каждая нота, которую он когда-либо сочинил, звучит совершенно правильно! Он писал самую грустную, самую весёлую, самую красивую, самую волнующую музыку на свете...» — «Хорошо, — прервёте меня вы (что довольно грубо, ну да ладно, ладно —

знаю, что я иногда становлюсь занудой), — но каким он был?» — «О! — сказал бы я, осторожно подбирая слова. — Я рад, что вы спросили меня об этом. Вообще-то, не очень-то я и рад. Ладно, скажу честно, совсем не рад. Видите ли, своим вопросом вы поставили меня в тупик, потому что на самом деле мы не знаем, каким он был». И это суцкая правда. Мы знаем о Бахе только то, что он был преуспевающим музыкантом, был завален работой: играл в церкви на органе, давал концерты, писал музыку для принцев, герцогов и местных аристократов, давал уроки юным музыкантам и так далее — как множество других профессиональных музыкантов в Германии того времени. Мы даже не знаем, осознавал ли он свою гениальность! (Мне кажется, что осознавал, даже если и не признавался в этом.)

Во всяком случае, мы примерно знаем, как он выглядел, — сохранился один портрет Баха, написанный, когда ему было лет шестьдесят. Выглядит он на портрете довольно свирепым — совсем не таким, как его мудрая, добрая музыка. Он хмурится на нас с портрета, будто советует пойти и послушать его музыку, раз уж мы так хотим узнать, каким он был! На нём огромный белый завитой парик. (Спорю, что под этим париком у него лысина. Лысый Бах.) И он, как бы это сказать, полноватый... дородный... упитанный. Ладно, сдаюсь, он довольно толстый, раз уж вы настаиваете. Бах, несомненно, любил выпить и закусить. Если друзья хотели его задобрить, они посылали ему добрый кусок мяса или же добрую бутылку бренди или вина. В молодости он однажды получил часть годового жалованья пивом! А когда он запирался у себя в комнате и сочинял музыку, то частенько прихватывал с собой бутылку бренди. И как у него вообще хватало ясности ума, чтобы сочинять? А вот, наверное, хватало.

Пожалуй, ещё больше, чем еду и напитки, Бах любил свою семью. Он родился в одной из самых музыкальных семей на свете. Его прапрадедушка Фейт Бах был пекарем и не мог жить без своей цитры — это старинная разновидность гитары. Он брал её с собой в пекарню и играл сколько душе угодно, пока мололи зерно. Два сына Фейта Баха подхватили «музыкальный вирус» и передали его своим детям, а те — своим и так далее. За последующие пятьдесят лет более семидесяти пяти Бахов стали профессиональными музыкантами, из них больше пятидесяти носили имя Иоганн (а некоторых звали довольно странно: Мармадук). В тех краях, где жили большинство Бахов, их фамилия стала синонимом слова «музыкант»!

Когда наш Бах — Иоганн Себастьян — рос, вся семья обычно раз в году собиралась на огромное торжество. Они были очень набожны, поэтому всегда начинали с пения церковных гимнов. (Неудивительно, что в

Библии Бах больше всего любил то место, где описывается, как 288 членов одного племени все вместе исполняют религиозную музыку.) Однако, закончив серьёзную часть, Бахи переходили к шуточным песням, по ходу дела сочиняли под них аккомпанемент, переделывали слова и ноты, стараясь рассмешить друг друга, в общем, веселились напропалую, и никакие компьютерные игры не были им нужны! Вот так...

Наш Бах совсем неплохо постарался для своей семьи — у него было двадцать детей! К сожалению, десять из них умерли в раннем детстве — обычное дело для того времени, — но и десять детей — это, в общем, совсем неплохо. Из его сыновей трое с половиной тоже стали известными композиторами (трое — известными, а один полуизвестным).

У Баха было две жены (спешу заметить, что не одновременно). Первая, Мария Барбара, приходилась ему двоюродной сестрой (говорил же я вам, что он любил свою семью!). Он был с ней очень счастлив, и у них родилось семеро детей. Но однажды, вернувшись домой из долгой поездки (в те времена поездки всегда были долгими, поскольку путешествовать можно было или в карете, запряженной лошадьми, или пешком), он обнаружил, что его жена умерла! Уезжая, Бах оставил её в добром здравии, а когда вернулся, она уже лежала в могиле. Телефонов тогда не было, а значит, и предупредить его не было возможности. Какое потрясение...

Однако через год Бах женился снова, на этот раз уже не на родственнице, а на певице, которую звали Анна Магдалена. Должно быть, он ужасно волновался по поводу этой свадьбы: ведь только на вино для гостей он потратил пятую часть своего годового жалованья. (Попросите кого-нибудь из взрослых подсчитать, сколько это будет сейчас, а потом спросите, согласятся ли они потратить ровно столько на вино для одной вечеринки. Представляю, что они вам ответят...) Анна Магдалена была, по всей видимости, чудесным человеком, и вместе они, должно быть, составляли великолепную — хотя и безумную — пару. Мало того что Анна Магдалена родила ему 13 детей (представляете?), ей приходилось заботиться ещё и о четырех детях Баха от первого брака, а также о разных родственниках, которые поселились у них в доме. Она пела во многих концертах Баха, училась у него играть на клавесине (это старший брат фортепиано) и, возможно, на органе; она переписывала его новые сочинения (интересно, стирала ли она его парик?). А ещё она как-то умудрялась находить время для садоводства: она любила цветы и птиц. Кроме того, у них часто бывали гости — Бах любил давать званые обеды, на которых всё его семейство развлекало присутствующих совместным пением и музицированием. В доме Бахов, наверное, было шумно, но

весело.

Однако Бах, вряд ли уделял много времени своей жене и детям — он был очень занят! Прежде всего он, конечно же, непрестанно сочинял. Сегодня у обычного человека только на переписывание всей музыки Баха ушли бы годы, даже если работать по двадцать четыре часа в сутки. (И это не считая огромного числа произведений, которые, к сожалению, были утрачены.) Бах был также величайшим органистом и клавесинистом своего времени. Он сочинял на лету, и люди приходили от его музыки в восторг — она была так прекрасна, так великолепна и так сложна! Но когда же он упражнялся? Каждый музыкант, даже гениальный, должен упражняться, чтобы не утратить мастерства. Баху же приходилось ежедневно по несколько часов давать уроки, репетировать с хором и оркестром еженедельные религиозные службы и еженедельные концерты, дирижировать, играть на скрипке и альте, настраивать свои клавишные инструменты, проверять множество новых органов (никто не разбирался в них лучше него), изобретать музыкальные инструменты, если для очередного сочинения ему нужны были новые тембры, а также писать своим работодателям немислимо длинные и скучные письма со всевозможными жалобами, в основном по поводу финансов. Гм... Должно быть, последнее не производит большого впечатления. Зато всё остальное... как ему всё это удавалось? Может быть, ночами он спал всего по пять минут, а в сутках у него было сорок восемь часов?!

А это что такое? Мне послышалось? Вроде бы нет. Какой-то негромкий, но настойчивый голос. Откуда он взялся? А, это вы! Всё ещё стоите там, скрестив руки. (Они у вас не затекли?) «Ну, — скажете вы непреклонно, — теперь мы знаем, что он сделал, но КАКИМ он был?»

Хорошо, я расскажу вам (очень кратко), что я об этом думаю. Мы знаем, что Бах был счастлив в браке, вернее, в двух браках, имел много друзей и был, как правило, очень доброжелательно настроен по отношению к другим музыкантам. Однако по отношению к тем, кто ему не нравился, он был крайне недоброжелателен. Бах постоянно ссорился со своими работодателями, будь то придворные или члены Городского совета. Почти все дошедшие до нас письма — это жалобы, адресованные так: «Ваши сиятельства, наибогороднейшим, наиучёнейшим, наиуважаемым господам и покровителям!» Но если вы прочитаете эти письма, то поймёте, что Бах предпочел бы обращаться к ним следующим образом: «Ваши кретинства, наиглупейшим, наипротивнейшим, наитупоголовейшим болванам и идиотам!» Большинство из этих людей Бах не выносил, а они не выносили его. Он всегда старался получить от них побольше денег, не

для себя (хотя и против этого не возражал!), а чтобы нанять побольше хороших музыкантов для исполнения своей музыки. Бах хотел совершенства, а его работодатели хотели спокойной нормальной жизни.

Баха обычно называют «любезным», но он так рьяно пёкся о музыке, что из-за этого мог легко прийти в ярость. В молодости Бах подрался на дуэли с неким студентом, который, по его мнению, плохо играл на фаготе, а уже в зрелом возрасте как-то раз пришёл в такое бешенство от фальшивой игры одного музыканта, что запустил в него своим париком. Порой Бах забывал о хороших манерах и в официальной обстановке. Однажды он пришёл на званый вечер прямо во время выступления одного клавесиниста. Увидев великого Баха, музыкант оторопел и посередине музыкальной фразы перестал играть. Музыка внезапно оборвалась. Для Баха это было невыносимо! Не обращая внимания на вежливое приветствие и протянутую руку хозяина, он бросился к клавесину и закончил фразу. Может быть, поэтому он и выглядит на портрете таким сердитым: вероятно, он настолько был погружен в музыку, настолько всё время был заполнен ею, что не мог думать ни о чём другом. Позирование для портрета, наверное, представлялось ему пустой тратой времени; может быть, художник, когда рисовал, разговаривал с Бахом и отвлекал его от музыки, звучавшей у него в голове. Представляю себе: вот кто-то пытается поговорить с Бахом на такую занимательную тему, как например погода, — что на улице сегодня, что обещали на завтра или какая погода стояла вчера. Бах, возможно, и глядит на этого человека, но мысли его заняты следующим произведением или тем, кто лучше всех сможет его исполнить. Так что, по-видимому, с Бахом не так-то легко было познакомиться и поладить.

Мне кажется, что лучший, и возможно единственный, способ подружиться с Бахом — это поговорить с ним о музыке и исполнить её вместе с ним. Вот здорово было бы играть в его церкви, в оркестре под его управлением! Сидя за органом, Бах обеими руками и ногами (на педалях органа) исполняет невероятно сложные пассажи, а головой дирижирует хором и оркестром; он всё слышит, всё видит: он пропевает правильные ноты, если кто-то ошибся, одним пальцем указывает, когда вступать одной группе музыкантов, другим — когда вступать другой, а его лицо выражает настроение произведения в целом — и все оркестранты отдаются музыке столь же страстно, как он. Конечно, именно здесь он был более всего счастлив и именно здесь приводил всех в благоговейный восторг. Здесь мы его и оставим. Пока, Бах-отец!

Музыка

У большинства композиторов, даже величайших, музыка бывает

разная по качеству. Помимо шедевров, встречаются произведения, за которые приходится извиняться: «Ах, он это написал в качестве эксперимента» — или: «Это было написано в спешке». Но я не слышал ни одного произведения Баха, которое не показалось бы мне совершенным. В каждой ноте — вдохновение, и, что самое интересное, он всегда экспериментировал и всегда спешил! (Возможно, одно-два из его самых ранних сочинений и не являются чем-то сверхъестественным, но вскоре он преодолел эти проблески человеческой слабости.) Обычно Бах сочинял музыку про себя, а потом записывал. При этом он почти никогда не пользовался карандашом, а сразу писал чернилами (изредка и ему случалось ошибиться, тогда он соскабливал неверную ноту ножом). Кое-что Бах потом переделывал, исправлял и совершенствовал, но в конце концов у него всегда получалось нечто грандиозное и на первый взгляд написанное без малейших усилий. Музыка Баха может быть глубоко печальной: одно из величайших его произведений — «Страсти по Матфею», написанные на основе «Евангелия от Матфея» из библейского Нового Завета; в нём рассказывается история распятия Иисуса Христа. В этом почти трёхчасовом сочинении представлены всевозможные оттенки скорби. Но музыка Баха может быть и удивительно радостной, полной игривых танцевальных ритмов и приятных мелодий — например, «Бранденбургские концерты». В этом цикле из шести оркестровых пьес он заставил играть вместе всевозможные музыкальные инструменты — такие, которые обычно солируют, включая трубу и блок-флейту! Вообще-то странное сочетание — один из самых громких инструментов играет вместе с одним из самых тихих, но у Баха это получается. Его музыка может также приносить покой и утешение — «Хоральные прелюдии» Баха для органа представляют собой самую безмятежную и самую лучезарную музыку на свете. Но какую бы музыку ни писал Бах — трагическую или радостную — он никогда не рассказывает в ней о своей собственной печали или радости. Он больше похож на мудрого отца, наблюдающего с высоты за своими детьми, за тем, как печально или весело идут они по жизненному пути. Для глубоко религиозного Баха музыка и религия — это почти одно и то же: музыка — лишь способ служения Богу. Всё, что Бах написал, он, по его собственным словам, посвящал «возвеличиванию Господа и воссозданию души». И пусть это не покажется вам слишком суровым. Это не так. Музыка Баха совершенно лишена напыщенности, она полна энергии, юмора, сострадания и красоты. Однако прежде всего она заставляет нас радоваться жизни.

Что послушать. С Бахом у вас не возникнет никаких проблем. Как я

уже говорил, плохой музыки у него просто нет. Наверное, начать стоит с весёлой музыки, например, с «Бранденбургских концертов», ну хотя бы с третьего, и не стесняйтесь, если вам захочется под неё потанцевать! Потом можно перейти к «Гольдберг-вариациям» для клавесина (в наши дни их часто играют на фортепиано). Считается, что эти тридцать вариаций на одну прелестную тему Бах написал в подарок некоему аристократу, графу, страдавшему бессонницей. Этот граф обычно просыпался посреди ночи, будил очень молодого (и, скорее всего, очень усталого) клавесиниста по имени Гольдберг, который состоял у него на службе, и заставлял его играть несколько вариаций. В «Гольдберг-вариациях» представлено великое множество настроений и оттенков. Если хотите, можете, как страдавший бессонницей граф, слушать всего по одной-две вариации за раз. И так далее! У Баха так много шедевров, что вы ни за что не ошибётесь, — только ищите на обложке имя «И.С. Бах». Хотя, если бы меня попросили назвать только одно его сочинение, я, наверное, выбрал бы «Страсти по Матфею». Поскольку это очень длинное произведение, я бы посоветовал вам сначала слушать небольшие отрывки и знакомиться с ним постепенно, в записи. Когда наконец вы почувствуете, что готовы сесть и воспринять «Страсти» целиком, сходите на концерт; возможно, вы получите неизгладимое впечатление. И чем больше вы будете слушать эту вещь, тем больше в ней услышите.

Кое-что из биографии

1. Отец Баха, Иоганн Амброзиус, был (о, какой сюрприз!) музыкантом. Он служил музыкальным директором в небольшом городке Эйзенах, в котором 21 марта 1685 года и родился Бах. И.А. Бах получил эту должность за 14 лет до рождения сына и сразу прославился, устроив концерт, в котором звучали орган, скрипки, голоса, трубы и военные барабаны, — ну, должно быть, и громыхало! Так что вполне резонно предположить, что наш Бах рос в достаточно шумном окружении. К сожалению, его мать, Мария Элизабет, умерла, когда Баху было всего девять лет. Меньше чем через семь месяцев после этого отец женился снова. Как и все настоящие Бахи, он не стал далеко ходить и женился на вдове своего кузена. Похоже, второй брак подорвал его силы, поскольку через четыре месяца после свадьбы Иоганн Амброзиус скончался. Его вдова написала печальное письмо в Городской совет Эйзенаха с просьбой о материальной поддержке, заявив, что она нуждается в ней, поскольку в семье Бахов больше не осталось музыкальных талантов. Что было не совсем так...

Как две капли воды...

У Иоганна Амброзиуса был брат-близнец по имени Иоганн Кристоф.

Говорят, братья были похожи во всём — они играли музыку в одной и той же манере, одновременно болели, совершенно одинаково разговаривали и думали. Они и внешне были так похожи, что, по слухам, даже жёны их путали! Мне в это верится с трудом: какая жена станет по ошибке ругать деверя, а не мужа за то, что тот засиделся в трактире...

2. Бедный Иоганн Себастьян остался сиротой, когда ему не было ещё и десяти лет. Его старший брат Иоганн Кристоф (знаю, знаю, его дядю тоже звали так, но, ей-богу, я не виноват!) был органистом и жил неподалёку. И вот маленького Баха и его брата Якоба отправили жить к нему. Представьте себе, каково это — оказаться на воспитании у старшего брата! Довольно странно. Правда, Иоганн Кристоф был на 14 лет старше, так что, наверное, вёл себя с ними как молодой отец.

Полуночные похождения...

Иоганн Кристоф взял на себя ответственность за образование Баха, в том числе, конечно, и музыкальное. Учась игре на клавесине, Бах делал, по мнению своего брата, слишком большие успехи. Баху быстро надоели школьные пьесы, которые ему приходилось разучивать, и он всё время клянчил у брата взрослые ноты. Иоганн Кристоф ему отказал наотрез. И тогда Иоганн Себастьян повадился вставать среди ночи, таскать эти ноты из шкафа и переписывать при свете луны. (Ему не разрешалось пользоваться по ночам свечкой. Интересно, а что если ему нужно было сходить в туалет?) Он переписывал ноты целых шесть месяцев, но, когда закончил, брат обо всём узнал и навсегда запер под замок обе тетради. Какая вредина...

3. В конце концов Баха отправили в школу, где он показал себя блестящим учеником. Он даже смог оплатить часть расходов на своё образование, натаскивая богатых мальчиков по латыни и выступая в хоре — его первый опыт профессионального музыканта.

Рост проблемы (или проблемы роста)...

В детстве у Баха был красивый высокий голос, но однажды он открыл рот, собираясь что-то сказать, и раздалось одновременно два голоса. К его прежнему высокому голосу присоединился новый — низкий. Следующие восемь дней каждый раз, когда Бах говорил или пел, возникала эта странная смесь из двух голосов. Потом низкий голос взял верх и Бах потерял свой нежный детский голосок, а вместе с ним и место в хоре.

4. Бах рос, и музыка завораживала его всё больше и больше, и он всё больше и больше хотел узнать о ней. Конечно, в то время не было никаких кассет или пластинок, и если он хотел послушать какого-нибудь знаменитого органиста или клавесиниста, то должен был сперва узнать, где

он будет выступать, а потом каким-то образом добраться до места. В молодости он нечасто мог себе позволить поездки в экипаже. И вот однажды, чтобы послушать известного органиста, ему пришлось прошагать пешком 400 километров (250 миль)! Вот это да! Представляете? Надеюсь, органист того стоил.

Счастливая находка...

Как-то раз Бах возвращался из одного такого музыкального путешествия и по дороге у него кончились деньги. До дома оставалось больше чем полпути. Проходя мимо постоянного двора, он почувствовал запах еды — какая мука! Но тут со скрипом отворилось окно и кто-то выбросил на улицу пару селёдных голов. Нас, наверное, стошнило бы от отвращения, но изголодавшемуся Баху они показались настоящим деликатесом. Он жадно схватил их, разломил и в каждой нашёл золотую монету! Что это было — несказанное везение или кто-то неизвестный увидел голодного юношу и сжалился над ним? Как знать...

5. С восемнадцати лет Бах сам зарабатывал себе на жизнь, берясь за любое дело в маленьких городках по соседству с Эйзенахом. Это оказалось для него весьма полезно, причём не только с материальной точки зрения, поскольку помогало ему развиваться как музыканту, — Бах пробовал то и другое, сочинял разную музыку по разным случаям, играл с различными музыкантами. Правда, иногда, он приходил в отчаяние: старые зануды из городских советов или непрестанно его отчитывали, или попросту игнорировали. В одном месте ему сделали выговор за то, что он слишком надолго отлучился без спросу (он, как всегда, захотел послушать другого органиста); потом его отругали за то, что он слишком мало играет в церкви во время службы, потом за то, что он пригласил на хоры даму и там «занимался с ней музыкой». Гм... В другом месте три члена Совета, которых попросили подписать письмо, предоставлявшее Баху работу, заявили, что они слишком расстроены недавним городским пожаром, чтобы думать о какой-то там музыке, и, кроме того, у них нет при себе ни перьев, ни чернил! А в следующем городе, когда Бах сообщил этим господам, что он нашёл работу получше и хочет оставить свой пост, его почти на месяц посадили в тюрьму. Будучи Бахом, он, конечно же, весь этот месяц сочинял музыку. Но ему не дали ни пера, ни бумаги, и пришлось ему всё это держать в голове, а записать только тогда, когда он наконец оказался дома. У него, наверное, была исключительная память.

К тринадцати годам...

...Бах обрёл славу блестящего органиста и клавесиниста. Как и современные поп- и джаз-музыканты, исполнители во времена Баха чаще

всего играли собственные композиции — они либо сочиняли их прямо во время выступления, либо писали заранее — для себя и для других. Известность Баха распространилась так широко, что дошла до славного города Дрездена, где тогда с большим успехом выступал французский органист и клавесинист Маршан. Кто-то решил, что было бы неплохо устроить музыкальное состязание между Бахом и Маршаном, и Баха вызвали в Дрезден. Он прибыл туда и вместе с несколькими знатоками музыки стал ждать Маршана. А тот так и не появился.

Оказалось, когда Маршан понял, что ему и вправду придётся соревноваться с тем самым знаменитым Бахом, он запаниковал, потребовал себе особую карету и сам, без кучера, умчался обратно во Францию, да так быстро, как только могли его унести восемь лошадиных ног.

6. Последние двадцать семь лет своей жизни Бах жил и работал в Лейпциге. Сегодня этот город каждый год посещают тысячи «баховских» туристов, жаждущих увидеть те места, где их герой впервые исполнил свои великие произведения. Они могут побывать в церквях, в которых около двух тысяч прихожан с замиранием сердца слушали музыку, раздававшуюся с хоров. Одно время Бах каждую неделю сочинял новую кантату (большое произведение для певцов и оркестра) — у многих композиторов на это ушли бы месяцы! К сожалению, туристы не могут заглянуть в школу, в которой жил и преподавал Бах, или в кофейню, где он вместе со своими музыкантами давал знаменитые еженедельные концерты. Всех этих зданий давно уже нет. (Сохранилась только школьная дверь — её можно увидеть в местном музее.) Да и оставшиеся здания уже совсем не такие, какими они были при жизни Баха. Но, может быть, в них всё ещё обитает его дух и медленно плывёт по воздуху в своем призрачном парике. Конечно...

...Бах не очень-то ладил с городскими властями Лейпцига (вот так неожиданность!). Его постоянно что-то раздражало. На то были или веские причины, связанные с музыкой, или менее веские, непременно связанные с деньгами. Например, в одном письме он сердится из-за того, что некий житель Лейпцига устроил свадьбу за пределами города; по мнению Баха, он это сделал, чтобы не платить за свадебную музыку! В другом письме Бах сетует, что в городе весь год дул слишком благотворный ветер и он слишком мало заработал на похоронах. Гм...

7. На старости лет Бах отправился в Берлин навестить одного из своих сыновей, который служил музыкантом при дворе знаменитого короля Фридриха Великого. Королю сообщили, что прибыл Бах. «Господа! — взволнованно объявил он придворным. — Старый Бах здесь!» Баха сразу

же притащили в комнату, чем привели в немалое смущение, поскольку он не успел переодеться с дороги, и велели ему играть на фортепиано короля. (В то время фортепиано только появилось и король страстно увлекался этой новинкой — гораздо больше, чем Бах.) Бах сыграл, конечно же, великолепно и, пока все охали да ахали, для полноты впечатления попросил короля сочинить мелодию, на которую он написал бы пьесу. (Услышав любую мелодию, Бах мог сразу же определить, что из неё получится дальше. Слушая новое сочинение другого композитора, он через несколько мгновений поворачивался к соседу и шептал ему на ухо, как эта музыка будет звучать дальше. Если он оказывался прав — а Бах всегда был прав, — он толкал соседа локтём в бок, мол, «что я говорил!». Бедный сосед!) Так вот, Бах не только с ходу сыграл целую пьесу на тему, предложенную королём. Вернувшись в Лейпциг, он сочинил огромное произведение, состоявшее из разных пьес, и все они были написаны на тему короля. Он опубликовал этот опус под вежливым названием «Музыкальное приношение». Фридрих, наверное, пришёл в неопишуемый восторг. Но проявил он это довольно необычным образом: сразу же отдал ноты своей сестре, которая была ученицей Баха, — мягко говоря, очень странное отношение к такому бесценному подарку.

Комната, полная шёпотов...

В Берлине сын пригласил Баха в новый оперный театр. В здании оперы была огромная столовая. Едва войдя туда, Бах указал на одну особенность помещения, которой никто, даже архитектор, построивший это здание, не замечал. Бах сказал, что если один человек встанет в углу этой огромной комнаты и тихо-тихо что-нибудь прошепчет, то другой человек, стоящий в противоположном углу лицом к стене, услышит очень отчётливо каждое слово, тогда как посередине комнаты никто ничего не услышит. И Бах оказался прав — нет нужды говорить, что он был прав всегда!

8. Когда Бах совсем состарился (по меркам того времени, тогда люди умирали гораздо раньше), здоровье его было по-прежнему крепким, а ум, как всегда, острым. Но он начал слепнуть. Милейшие члены Городского совета Лейпцига сообразили, что теперь наконец-то могут избавиться от человека, доставлявшего им столько хлопот, и тут же устроили одному довольно посредственному музыканту экзамен на замещение должности Баха, а ведь он ещё не умер! Бах пришёл в бешенство: он, полный музыкальных проектов, держится изо всех сил, а Городской совет строит против него козни и задумал его сместить. Баху действительно стало немного лучше, может быть, просто назло врагам, но — увы — ненадолго,

и в конце концов ему пришлось сделать операцию на глазах. Оперировал его один англичанин, доктор Тейлор, который позднее писал, что ему доводилось лечить «великое множество странных животных, в том числе двугорбых и одногорбых верблюдов и так далее, а также... одного прославленного музыканта!» Занятный список! Но как бы успешно он ни лечил своих верблюдов, вылечить Баха ему не удалось, и Бах умер 28 июля 1750 года в возрасте шестидесяти шести лет. К тому времени Бах был знаменит в той части Германии, где он жил, но почти неизвестен за её пределами. Лишь постепенно, на протяжении последующих пятидесяти лет, люди стали внимательнее относиться к музыке, которую он после себя оставил, и начали понимать, что это был один из величайших гениев, когда-либо живших на этой земле.

Но перед смертью...

Одно из главных последних сочинений Баха называется «Искусство фуги». Фуга — это музыкальная пьеса, в которой всего-навсего одна короткая тема — иногда лишь несколько нот — много раз повторяется и переиначивается разными способами. Говорят, нет ничего труднее, чем написать хорошую, интересную фугу. Ведь в ней не должно быть никаких новых, отличающихся от первой тем, только одна, а она часто и на мелодию-то не похожа. Это всё равно что сочинять пьесу, все персонажи которой только и делают, что обсуждают одну-единственную идею. Но «Искусство фуги» Баха — вещь удивительная. В ней восемнадцать различных частей, и все они написаны на одну и ту же короткую тему. Некоторые части можно играть даже задом наперед или снизу вверх! К сожалению, мы располагаем неполной версией этого сочинения. Возможно, оно и было завершено, но дошедшая до нас рукопись обрывается в середине последней фуги — может быть, когда Бах её переписывал набело, ему стало плохо и пришлось всё бросить. Законченный вариант, по-видимому, утерян безвозвратно. (Раньше люди более или менее успешно пытались дописать последнюю фугу Баха, но в концертах музыканты обычно останавливаются на середине фразы в том месте, где обрывается рукопись.) А ещё есть одна легенда. Говорят, уже на смертном одре Бах сочинил новый вариант органной пьесы, написанной ранее, и продиктовал его своему другу или ученику, сидевшему у его постели. В основе этой пьесы лежит старинный хорал, первая строка которого звучит так: «Пред троном Твоим я сейчас предстаю». Голова Баха была, как всегда, полна музыки (и религии). Он был готов уйти с миром.

9. Из десяти детей Баха, что не умерли во младенчестве, одного сына, вечно попадавшего в разные переделки и доставлявшего отцу

множество огорчений, к тому времени уже не было в живых. Три незамужние дочери жили с Анной Магдаленой в Лейпциге до самой её смерти, которая последовала через десять лет после смерти Баха. Четвёртая дочь была замужем за одним из любимых учеников Баха и присматривала за тем сыном Баха, который нуждался в постоянном уходе. Остальные четверо стали композиторами. Поскольку у них довольно громоздкие имена, будет проще называть их по инициалам: старший, В.Ф. Бах, был, наверное, самым талантливым, но вёл весьма беспутную жизнь. К.Ф.Э. Бах был куда более уважаемым. Он женился на богатой невесте — а это бывает полезно — и стал очень знаменит, его музыку и теперь исполняют очень часто. И.К. Бах переехал в Лондон, заработал своей музыкой кучу денег, он был несколько плутоват. И.К.Ф. Бах — наименее интересный композитор из всех четырех, зато прославился своим чрезвычайно добрым и приветливым нравом.

После смерти...

Большую часть своих рукописей Бах оставил сыновьям. Они, наверное, ценили полученное ими в наследство сокровище, и всё же очень много музыки Баха утрачено. В.Ф. Бах, когда у него закончились деньги, продал свою долю. К счастью, многое, но, увы, не всё он передал брату К.Ф.Э. Баху. Доля И.К.Ф. Баха тоже каким-то образом исчезла — может, он был настолько добрым, что просто всё раздарил! Только К.Ф.Э. Бах по-настоящему заботился о доставшихся ему рукописях. Он покупал рукописи отца везде, где только мог, и, между прочим, заработал довольно много денег на их публикации.

Только И.К. Бах, которому в наследство от отца досталось множество инструментов и поэтому, наверно, не так много нот, похоже, вообще не оценил гений своего отца. Он называл Баха «старым париком». «Старый парик» — ну и наглость! Правда, он был самым младшим и самым щеголеватым из братьев; возможно, он так и не повзрослел. И, возможно, Бах любил его за это несколько не меньше...

Вольфганг Амадей Моцарт 1756—1791

Видели ли вы когда-нибудь, как мчится гепард или ягуар (конечно, зверь, а не машина)? Это удивительные животные — они бегают так быстро, так грациозно и так легко. О чём бы они подумали, если бы за ними попытался угнаться человек? Наверное, если бы их не слишком занимала мысль, как вкусно будет его съесть с салатом из антилопы, они, скорее всего, удивились бы, отчего человек так медлителен и неловок, почему выглядит так неуклюже.

В музыке Моцарт немного смахивал на такого гепарда или ягуара. Для него музыка не представляла из себя ничего сложного! Моцарт научился понимать музыку так же легко, как речь. Для него это был всего лишь другой язык. Музыка была частью его самого, он нуждался в ней, как животное нуждается в пище. В детстве Моцарт с волчьей жадностью набрасывался на каждый кусочек этой пищи — ведь недаром его звали Вольфганг («вольф» по-немецки значит «волк»). С четырёх лет он играл на фортепиано или клавесине небольшие пьески, в совершенстве разучивая их всего за полчаса. Он начал сочинять в пять лет и вскоре стал блестящим органистом, великолепным скрипачом и способным певцом. (Слегка дрожащим тонким голоском он пел дуэты со своим отцом Леопольдом и очень сердился, когда тот фальшивил.) В двенадцать лет Моцарт сочинил свою первую оперу и к тому времени уже стал прекрасным дирижёром. Наверное, забавно было наблюдать, как маленький мальчик со всей строгостью руководил оркестром профессионалов в три или четыре раза старше его. Но ему это удавалось, ибо все вокруг понимали, что он являет собой подлинное чудо.

Все в нём просто души не чаяли — его нельзя было не любить, он обладал мягким нравом и живым весёлым характером. Кроме того, Моцарт был хорош собой. Его лицо отличалось аккуратными, правильными чертами и приятным, нежным выражением. В довершение всего по особым случаям он надевал изящнейшую одежду (разумеется, очень маленького размера) и роскошный завитой парик. Но, несмотря на свое изысканное обаяние, Моцарт едва ли не во всём был похож на зверька: блестящ, как глаза хомячка, игрив, как котёнок, и ласков, как щенок. Моцарту нужно было постоянно чувствовать любовь окружающих (а они его действительно любили), и сам он с юных лет без конца влюблялся в прекрасных дам. Однажды он без памяти увлекся Марией-Антуанеттой (будущей королевой

Франции, которая затем лишилась головы или, если хотите, потеряла голову — крайне легкомысленно с её стороны!) и сообщил ей, что собирается на ней жениться, чем её немало позабавил. Став постарше, этот зверёк обнаружил чувство юмора совершенно в духе представителей животного мира. Он мог быть очень забавным, но также и совершенно отвратительным. Одержимый всем, что происходит в туалете, и соответствующими запахами (кстати, как и его родители) — и он мог рисовать... Всё, хватит. Остальное можете дофантазировать сами...

Ладно, хватит фантазий! Вернёмся к невинному ребёнку. Моцарт был настолько очевидно гениален, что папа Леопольд (скрипач, композитор и музыкальный педагог) решил: мир должен услышать игру Вольфганга и его сестры Марии Анны (известной как Наннерль). И, сказав не слишком сентиментальное «прощай» родному Зальцбургу, где семья Моцарта чувствовала себя как в ловушке, — это был крошечный городок, который мог предоставить крайне ограниченные возможности юным дарованиям, — они отправились в большое турне по крупным городам Европы. (Что, кстати, очень хорошо для нас, ибо Леопольд начал писать своим друзьям в Зальцбург длинные письма, хвастаясь триумфами Вольфганга и Наннерль. Эти письма, а также более поздняя переписка между членами семьи содержат огромное количество информации о жизни Моцарта — всё это сегодня изучают, анализируют, рассматривают со всех сторон, переворачивают вверх ногами, читают задом наперед и т. д., и т. п., и пр. моцартоведы всего мира.) Дети повсюду давали концерты — обычно сначала Наннерль с блеском исполняла трудные пьесы, а потом (бедная Наннерль!) её затмевал младший брат. Моцарт не только исполнял столь же трудные сочинения — даже те, что видел впервые, — и играл с сестрой в четыре руки (тогда это было в новинку), но и на основе предложенных публикой мелодий сочинял тут же на месте большущие пьесы. Люди просто не верили, что он это делает безо всякой подготовки, и всё время пытались его поймать — закрывали клавиатуру куском ткани (непонятно только для чего), понимающе улыбались друг другу и ждали, когда маленький Моцарт попадёт впросак. Не тут-то было — он играл всё так же восхитительно, как и раньше. Затем кто-нибудь из публики предлагал исполнить сложную песню, но извинялся, что забыл дома ноты (и при этом, наверное, всё время подмигивал аудитории). Нет проблем — Вольфганг слушал песню один раз и затем сочинял великолепный аккомпанемент, порой гораздо лучше оригинала. Конечно, публика просто преклонялась перед ним, тем более что Моцарт искренне огорчался и заливался слезами, если ему казалось, будто его перехвалили.

Всё это было в некотором смысле замечательно, но тут имелись и свои минусы. Во-первых, к Моцарту относились как к дрессированному животному, что было неправильно, даже если он и был похож на животное. Хотя Моцарт и представлял собой музыкальный феномен, во всём остальном он ведь был нормальным ребенком — увы, лишённым нормального детства. Из-за всех этих путешествий у него пошатнулось здоровье. Путешествия в запряжённых лошадьми каретах длились бесконечно и, как правило, были сопряжены с немалыми неудобствами. Иногда Моцарту приходилось часами опираться на локти, почти висеть только для того, чтобы уберечься на ухабах от лишних синяков. Музыкальная работа, хотя и очень нравилась Моцарту, тоже требовала большого напряжения: ведь ему приходилось сочинять или играть в любое время дня и ночи. Проблемы со здоровьем, которые появились у него позднее, возможно, были следствием неправильного образа жизни. Но хуже всего — во всяком случае, по мнению Леопольда, — было то, что, несмотря на всю славу и обожание, Моцарты зарабатывали не так уж много денег. Да, их жизнь была трудной. И хотя родиться гением — это замечательно, жизнь Моцарта, наверное, была бы куда легче, родись он таким, как все. А вот наша — нет, потому что у нас не было бы его музыки...

Таким был Моцарт в детстве. А теперь пристегните потуже ремни, потому что мы немного попутешествуем во времени. Все пристегнулись? Тогда давайте перескочим на несколько лет вперёд... И кто этот элегантный юноша? Какое совпадение — это Моцарт! Сейчас он в Вене, великой столице Австрии. Долгие годы Моцарт не мог вырваться из Зальцбурга, освободиться от его мелочных сплетен — ему это удалось только в двадцать пять лет. На самом деле он всего лишь поменял их на мелочные сплетни Вены, но, по крайней мере, в Вене было гораздо больше сплетников, да и сплетничали они более остроумно и изысканно. Делать музыкальную карьеру в Вене было отнюдь не просто, но Моцарт всё же предпочёл её Зальцбургу. В Зальцбурге он состоял на службе у архиепископа, который обращался с ним как со слугой и платил жалкие гроши. Моцарт очень хотел уйти, но у него всё не получалось. Однажды, когда он уже был знаменитым на весь мир оперным композитором и только что с большим успехом выступил в Мюнхене, архиепископ отправился в официальную поездку в Вену и взял с собой Моцарта в качестве одного из домочадцев. Моцарту, совсем не хотевшему ехать, пришлось столоваться вместе с лакеями и поварами. Вдобавок ему запретили давать концерты в домах важных персон (которые могли бы хорошо заплатить). В конце концов Моцарт пожаловался, высказал архиепископу всё, что о нём думает,

в ответ услышал всё, что о нём думает архиепископ (причём высказано это было языком, отнюдь не подобающим официальному представителю Церкви), и был вышвырнут (буквально) со службы подручным архиепископа, давшим Моцарту здоровенного пинка под зад. Н-да... Не слишком изящный запуск на орбиту карьеры... Но ведь сработало! Освободившись от оков Зальцбурга, Моцарт вскоре стал весьма знаменит, давая множество концертов, на которых он с непринужденным изяществом исполнял собственную фортепианную музыку и дирижировал исполнением, собственных восхитительных оркестровых произведений. Он также написал много оперной и камерной музыки, и многие считали его лучшим из всех живущих музыкантов. (Даже Йозеф Гайдн — выдающийся композитор того времени — сказал как-то раз Леопольду при встрече: «Ваш сын — величайший композитор среди всех, кого я знаю лично или по имени» — настоящий комплимент со стороны другого гения.)

Теперь перед нами взрослый человек без малого тридцати лет, и он сильно отличается от того прелестного ребёнка, каким был раньше. Он по-прежнему мал ростом, правда, уже не так мал, но голова у него довольно большая, а кожа покрыта рябинками от оспы, которую он перенёс в одиннадцать лет. Моцарт избавился от парика, он носит собственные волосы — напудренные и аккуратно уложенные — и очень ими гордится. (Какой бы напряженный день ни предстоял Моцарту, он всегда начинался в шесть утра — какой ужас! — с того, что парикмахер красиво и аккуратно укладывал ему волосы. Правда, иногда Моцарт забывал о том, что его причесывают, потому что его осеняла какая-нибудь музыкальная идея, он вынашивал тему, чтобы тут же её записать, и тащил за собой несчастного парикмахера, который боялся выпустить из рук его локоны.) Мы должны также познакомиться с его женой Констанцей — в двадцать шесть лет Моцарт женился на двадцатилетней певице Констанце Вебер. До этого он был влюблён в старшую сестру Констанцы, которую звали Алоизия (что вызвало большое неудовольствие Леопольда, крайне подозрительно относившегося ко всему семейству Веберов). Через несколько лет после того как Алоизия его отвергла, тем самым разбив ему сердце, Моцарт, сердце которого удивительным образом зажило, обратил внимание на младшую сестру — тут уж у Леопольда прямо пена на губах закипела. Моцарт превозносил Констанцу до небес, уверяя отца, что, хоть она и не слишком хороша собой, у неё золотое сердце и к тому же она ещё и бережлива. (Не самое романтическое описание, но Моцарт знал, как произвести впечатление на своего бесконечно подозрительного отца.) Это не помогло — ни Леопольд, ни Наннерль так никогда и не приняли

Констанцу. Но и браку они тоже помешать не смогли, а их подозрительность, по-видимому, только раздражала Моцарта, который с тех пор заметно отдалился от отца и сестры. Похоже, Вольфганг и Констанца были очень счастливы вместе, за исключением отдельных моментов, когда Моцарт заставлял Констанцу флиртующей с другими мужчинами, что раздражало его безмерно. Хотя, возможно, она просто хотела удостовериться, что муж её любит...

В некоторой степени Леопольд оказался прав в своих подозрениях. Моцарт так никогда и не смог окончательно уладить финансовые дела, и от Констанцы тут особой помощи не было. Хотя композитор очень хорошо зарабатывал — по крайней мере, на определённом этапе, — он вовсе не умел копить деньги. Отчасти это объяснялось его любовью к развлечениям. Он устраивал у себя дома роскошные танцевальные вечера, купил лошадь и громадный бильярдный стол (он любил бильярд и был весьма неплохим игроком). Моцарт одевался в самую яркую и модную (а потому дорогую) одежду, какую только мог найти. К тому же здоровье Констанцы являлось причиной беспокойства и денежных трат: Моцарту то и дело приходилось отправлять её на дорогостоящее лечение, а этого, в общем-то, он не мог себе позволить. Болезненность Констанцы частично объяснялась тем, что она почти всё время была беременна — шесть раз за восемь лет, однако в результате у них выжили только два мальчика. (Надо сказать, Моцарты были весьма странными родителями: когда их первенцу исполнилось всего несколько недель, Вольфганг и Констанца уехали в Зальцбург в гости к Леопольду и Наннерль, оставив ребёнка на попечение кормилицы. Они провели в Зальцбурге три месяца, а когда вернулись в Вену, бедный малютка уже умер! Впрочем, вполне возможно, что для того времени — или для семейства Моцартов — в этом не было ничего необычного. Когда Наннерль вышла замуж, у неё родился сын, которого она тут же на два года отослала жить к многострадальному Леопольду. Как угодно, но нам подобное отношение к ребёнку кажется возмутительным.)

Дома у Моцарта, по-видимому, было очень весело и очень многолюдно. Помимо Моцартов со всей их музыкой, здесь нередко жили ещё и ученики Вольфганга; переписчики сидели повсюду и переписывали партии новейших сочинений Моцарта, ну и в довершение всего приветливый Вольфганг без конца приглашал гостей. Однако, когда гости приходили, ему подчас было не до разговоров — Моцарта слишком занимали собственные мысли. За столом он непрестанно теребил салфетку или вставал и ходил туда-сюда по комнате, что-то сочиняя про себя и не обращая никакого внимания на окружающих.

Потом, когда гости уходили, Моцарт садился (или вставал — он заказал себе специальную высокую конторку, чтобы не просидеть всю жизнь сиднем, скрючившись над нотами), ставил рядом бокал вина или пунша и просил жену пересказать всё, о чём говорили гости, а руки его тем временем сами, как будто совершенно независимо от мозга, записывали ту восхитительную музыку, которую он сочинил.

Оставим Моцарта за этим важным занятием и ещё раз переместимся (немного) во времени; но приготовьтесь, теперь мы отправляемся в печальное место. Если вы не хотите расстраиваться, можете пропустить этот кусок путешествия. Но если вам интересна трагическая судьба Моцарта — пристегните потуже ремни...

Напряженный труд и денежные заботы сказались на здоровье Моцарта. Конечно, он всё так же любил своих друзей — и прежде всего Констанцу — и по-прежнему резвился как ребенок, однако его изначально весёлый нрав начал меняться — внутренне Моцарт как будто становился все печальнее. В 1787 году в возрасте шестидесяти семи лет умер Леопольд, который, наверное, до последней минуты ворчал, что его сын ничего не смыслит ни в людях, ни в деньгах, неудачно женился и плохо кончит. Моцарт к тому времени почти освободился от влияния отца, но он по-прежнему любил этого старого зануду и, должно быть, сильно по нему тосковал. В последующие годы Моцарту и в самом деле с трудом удавалось сводить концы с концами. Наверное, ему не раз казалось, будто Леопольд наблюдает за ним с того света с кислой миной на мертвенно-бледном лице: «Ну, что я говорил».

Моцарт очень хотел занять высокое положение при императорском дворе в Вене, но ему это никак не удавалось, возможно, отчасти из-за закулисных интриг Сальери, итальянского композитора, который был старше Моцарта, имел хорошо оплачиваемую придворную должность и не хотел ставить её под угрозу. В конце концов карьера Моцарта всё-таки пошла в гору — в 1791 году ему заказали две оперы. Одна из них — «Волшебная флейта» — была написана для народного театра в предместье Вены, где билеты стоили недорого, и сразу же стала хитом. Другую, под названием «Милосердие Тита», Моцарт сочинил для Праги; где его музыку просто обожали. Он написал эту оперу почти целиком всего за восемнадцать дней. У большинства музыкантов вдвое больше времени ушло бы только на переписывание этих нот!

Но именно тогда у Моцарта начались проблемы со здоровьем — ужасно! Им всё больше и больше овладевали депрессия и паранойя: ему казалось, что его травят медленно действующим ядом. Незадолго перед тем

странный посланец, одетый в черное, заказал Моцарту Реквием, мессу по умершим. Тут уж Моцарт решил, что это был посланец с того света, а Реквием предназначается ему самому. (На самом деле он предназначался одному графу, который хотел заказать поминальную мессу по своей недавно умершей жене и выдать это за собственное сочинение, но Моцарт так никогда об этом и не узнал.) Моцарт не закончил Реквием, хотя и работал над ним до последних дней. После его смерти трагическое сочинение завершил один из учеников.

Итак, боюсь, именно здесь наше путешествие во времени и закончится — у смертного одра Моцарта. А ведь ему всего лишь тридцать пять лет! Смерть Моцарта была ужасной. У него отказали почки, тело раздулось и начало ужасно пахнуть. Он горько плакал, понимая, что оставляет жену и двоих сыновей без денег именно тогда, когда судьба в конце концов начала ему благоволить. За Моцартом помогала ухаживать его свояченица Жозефа Вебер. За день до смерти ему как будто стало лучше и она ушла домой, к матери. Позднее она вспоминала, что, придя домой, зажгла свечку и подумала: «Интересно, как там сейчас Моцарт?» И только она это подумала, свеча вдруг сама собой погасла. Охваченная ужасным предчувствием, она побежала обратно к Моцарту и обнаружила его при смерти. «Я чувствую на губах вкус смерти», — грустно сказал ей он. Послали за доктором, но тот был в театре и соизволил прийти только после окончания спектакля. Явившись, он настоял на том, чтобы приложить ко лбу Моцарта холодный компресс; наступил шок, Моцарт потерял сознание и спустя несколько часов умер.

Тут начался суший кошмар. Вне себя от горя, Констанца легла в постель рядом с покойным, надеясь подхватить заразную болезнь и умереть (у неё ничего не получилось). На другой день один человек, чья беременная жена была ученицей Моцарта, бросился на Констанцу с бритвой и поранил её, а потом покончил с собой. Поползли всевозможные сплетни: люди шептались, что ребёнок был от Моцарта (это было не так). Сальери стал мучиться угрызениями совести, у него развилась мания преследования. Много лет спустя он умер в сумасшедшем доме, терзаемый обвинениями в убийстве Моцарта (он этого не делал).

Похороны Моцарта были убогими. В те времена только знать и женщин хоронили с помпой; большинство же трупов отправляли на кладбища за пределами Вены и сбрасывали по три-четыре в одну могилу. Тело Моцарта забрали и положили в такую могилу. Никого из его друзей или родственников при этом не было. И вскоре уже никто не мог вспомнить, где в точности его похоронили. Таким образом, останки

Моцарта потеряны для нас навсегда. Он заслуживал лучшей смерти, как и лучшей жизни. Это трагическая история или, во всяком случае, история с трагическим концом. А что мог бы сочинить Моцарт, проживи он еще тридцать пять лет!..

И всё же та музыка, что у нас есть, — истинное чудо, и мы должны быть благодарны за то, что этот музыкальный ангел жил среди нас, пусть даже так недолго.

Музыка

Более удивительного вундеркинда, чем Моцарт, на свете никогда не было, хотя вообще-то дети бывают удивительные, и даже очень. Например, в Англии жил один мальчик, носивший довольно чудное имя Уильям Кротч. Он дал свой первый органнй концерт в возрасте двух с половиной лет! После этого его повсюду возили и показывали — почти так же, как маленького Моцарта, с той только разницей, что потом Уильям стал всего лишь уважаемым профессором музыки. (На самом деле не таким уж уважаемым — его даже уволили с должности директора музыкальной школы за любовную связь с одной из учениц (гм...)). Однако музыкант он был вполне уважаемый.) Подлинное чудо Моцарта состояло в том, что, по мере того как он становился старше, его музыка становилась всё прекраснее и прекраснее. Хотя детские сочинения Моцарта очень милы и для ребёнка написаны весьма выразительно, его вряд ли помнили бы сегодня, умри он в юности. По-настоящему замечательные произведения Моцарт написал в возрасте двадцати-тридцати лет.

Однажды Моцарта спросили, как ему удаётся всегда писать такую совершенную музыку. «Я по-другому не умею», — ответил он. Да, каждая нота, им написанная, была прекрасна. Моцарт считал, что, если музыка не прекрасна, это не музыка, но он мог выразить этой красотой любые эмоции и настроения, в том числе трагические или даже ужасные. В музыке Моцарта есть всё.

Ему были доступны все формы и жанры: оперы, симфонии, концерты, камерная музыка, духовные сочинения, фортепианные сонаты, даже танцевальная музыка. Всё, к чему прикасался Моцарт, превращалось в музыкальное золото.

У Моцарта каждый найдёт что-то своё: взрослые, дети, музыканты, люди, которые никогда не слышали никакой другой музыки, — её может полюбить любой. Музыка Моцарта словно дар природы, каждая фраза звучит так, как она должна звучать. Трудно представить себе мир без его музыки, да и не хочется!

Что слушать. Да уж... Тут возникают сложности — всего не

послушать! Конечно у Моцарта есть и вполне заурядная музыка — пьесы, которые он писал исключительно ради заработка или когда был совсем маленьким, однако список шедевров огромен.

Поскольку Моцарт считал себя прежде всего оперным композитором, начните знакомство с его величайших опер. Наверное, сперва лучше послушать их в записи, чтобы знакомиться с ними постепенно. Затем, если представится возможность, сходите в театр. Я бы посоветовал начать с «Дон Жуана» и «Волшебной флейты». Одно из величайших достижений Моцарта как оперного композитора состоит в том, что у него музыка каждого персонажа звучит совершенно по-разному, отражая его характер. Например, главный герой оперы «Дон Жуан» — это очаровательный свинтус, который путешествует по белу свету, соблазняя всех (или почти всех) встречных женщин одну за другой. Его музыка звучит привлекательно и мощно, но не внушает особого доверия. В итоге Дон Жуана ждёт довольно жуткий конец — каменная статуя спустится с пьедестала и утащит его в адское пламя (какой ужас!). В «Волшебной флейте», написанной на сказочный сюжет, вы встретитесь со злой Царицей Ночи, чья музыка звучит неистово, с её прекрасной дочерью Паминой, чьи темы звучат чисто и невинно, с птицеловом Папагено, чья музыкальная характеристика самодовольна и немного глупа, но очень приятна, и так далее. Моцарт понимал создаваемых им персонажей до последней ноты и всех их — хороших или плохих — наделял самыми красивыми и запоминающимися мелодиями, о каких можно только мечтать!

Моцарт сочинил двадцать семь фортепианных концертов, главным образом для своих собственных выступлений. Слушая эти концерты, особенно более поздние, вы почувствуете, каким удивительным исполнителем был Моцарт и как ему, должно быть, нравилось поражать людей своей великолепной техникой. (Если Моцарт видел, что его искренне ценят, он был счастлив играть для публики часами.) Но вы также почувствуете и ту невыносимую печаль, которая порой охватывала Моцарта, и именно это ощущение останется с вами дольше всего. Вот, например, фортепианный концерт 23 К 488 (буква К обозначает Кёхель. Господин Кёхель много лет составлял каталог всех сочинений Моцарта, которые ему удалось отыскать — их набралось более шестисот, — и размещал их в том порядке, в каком, по его мнению, они были написаны, — огромный труд). Три части концерта ничем не похожи друг на друга, но они каким-то образом составляют единый прекрасный сюжет. Первая часть очень изящна, слушая её, мы как будто перемещаемся в совершенный мир. В третьей части мы слышим, как люди весело смеются и танцуют. Однако

именно вторая — медленная — часть является душой произведения. Она так печальна, что нам кажется, будто мы смотрим в глубину бездонной реки. Это волшебная красота.

Не пропустите и три последние симфонии Моцарта — они роскошны. Если бы мне пришлось выбрать одну из них, я, наверное, выбрал бы последнюю, «Юпитер», — торжество великолепия. А потом, если вам захочется необыкновенно прекрасной, но трагической музыки, вас ждут Реквием и струнный квинтет соль минор К 516. А потом... А потом непременно захочется послушать ещё и ещё...

Кое-что из биографии

1. В 1756 году, в год рождения Моцарта, его отец Леопольд опубликовал пособие по игре на скрипке. Книга была настолько хороша, что издаётся до сих пор. Однако сегодня мы читаем её не для того, чтобы научиться играть на скрипке, а чтобы узнать, как играли на скрипке в то время.

Игрушечная симфония...

Как композитор Леопольд Моцарт в наши дни известен прежде всего своей «Игрушечной симфонией». Долгое время считалось, что её написал Гайдн, но сейчас мы знаем: её автор — Леопольд Моцарт. Это весёлая пьеса для оркестра и нескольких игрушечных инструментов, имитирующих перепела, кукушку и соловья. На них очень легко играть, поэтому иногда, по особым случаям, на сцену приглашают знаменитостей — вовсе не музыкантов, — которые, ко всеобщему восторгу, без труда присоединяются к оркестрантам.

2. Родители Моцарта вполне серьёзно подошли к вопросу выбора имени. Полное имя мальчика было — наберите побольше воздуха — Иоганнес Хризостомус Вольфганус Теофилус Моцарт. Чтобы не звать его к чаю несколько часов кряду, родители нарекли сына Вольфганг или ещё короче — Вольферль. Потом Моцарт поменял греческое имя Теофилус («Возлюбленный Богом») на латинское Амадео с тем же значением. Примерно с 1770 года он стал называть себя на итальянский манер — Вольфганго Амадео, а с 1777 года немного офранцузился и назвался Вольфганг Амаде.

Сейчас его обычно называют Вольфганг Амадей Моцарт...

Что в имени?..

Людей всегда завораживало соперничество между богатым, но не великим композитором Антонио Сальери и бедным гением Моцартом. В XIX веке известный русский поэт Александр Пушкин написал пьесу в стихах «Моцарт и Сальери», из которой позднее сделали удачную оперу. Не

так давно идею подхватил английский драматург Питер Шеффер и написал пьесу «Амадеус» — о взаимоотношениях этих двух людей. Пьеса легла в основу знаменитого фильма «Амадеус». Хотя и пьеса, и фильм очень далеки от подлинных фактов (прежде всего, Моцарт никогда не называл себя Амадеусом), они сделали музыку Моцарта как никогда популярной: ведь это здорово — слушать музыку Моцарта, льющуюся с киноэкрана!

3. В 1762 году, когда Моцарту исполнилось шесть лет, Леопольд решил отправиться всей семьёй в гастрольные поездки. За последующие несколько лет они посетили большинство крупных городов Европы. Организация этих гастролей была делом весьма непростым. Семейство Моцартов приезжало в какой-нибудь город, и Леопольд тотчас принимался за дело — бегал туда-сюда, выясняя, кто в городе самые важные персоны (если, конечно, не узнавал об этом заранее) и кто пользуется наибольшим влиянием при дворе. (В каждой местности правили свои принцы и принцессы, которых окружали толпы менее знатных вельмож.)

Потом Леопольд приводил своих детей играть для этих важных людей, и те почти всегда разевали рты от удивления. (В тех редких случаях, когда они не были потрясены выступлением его детей, Леопольд заявлял, что эти люди отрицают божественное чудо, стало быть, они не верят в Бога, стало быть, это плохие люди, стало быть, их мнение ничего не значит. Честно говоря, вполне логично.) Потом самый влиятельный вельможа мог поговорить со своим важным другом графом, граф мог замолвить словечко своей любовнице, которая могла оказаться фрейлиной принцессы. Затем принцесса, под настроение, могла замолвить словечко своему мужу принцу, и, если принц был благодушно настроен, не страдал в этот момент несварением желудка, подагрой или какой другой хворью, от которой портится настроение, он мог осчастливить семейство каким-нибудь ценным подарком. Всё это, однако, было весьма неопределённо — слишком много «если». Ещё одну возможность выставить детей на всеобщее обозрение предоставляли публичные концерты, но это были ещё более хлопотные мероприятия. Тем временем счета за гостиницу и еду всё росли (даже несмотря на то, что Моцарты всегда старались приходить в богатые дома вовремя — то есть к обеду). Леопольд не любил тратить деньги, он предпочитал их зарабатывать. Он был хорошим бизнесменом, но Моцарты почему-то так и не разбогатели...

Но с другой стороны...

Хотя постоянные путешествия расстроили здоровье Моцарта (во всяком случае, на будущее), его музыкальное образование совершенствовалось. Он обожал знакомиться с хорошими музыкантами.

Когда Моцарту было всего восемь лет, он подружился с младшим сыном великого Баха, Иоганном Кристианом Бахом (тем самым нахалом, который называл отца «старым париком»). И.К. Баху в то время было под тридцать, знаменитый композитор пришёл от Моцарта в восторг. На одном званом вечере, в присутствии короля и королевы Англии, Бах усадил Моцарта к себе на колени за фортепиано и вместе они затеяли вот что: сочиняли пьесу, играя по очереди, причём один подхватывал фразу там, где заканчивал другой; это продолжалось два часа подряд, и им не надоело. (Интересно, а королю с королевой?) Примерно тогда же Моцарт ошеломил других музыкантов глубоким пониманием музыки. Несколько взрослых музыкантов сидели за столом и очень серьёзно изучали только что опубликованное новое сочинение И.К. Баха, а Моцарт в это время за чем-то ползал по столу. Они показали ему партитуру, и он сходу ткнул пальцем в неправильную ноту, которую никто не заметил! (Удивляюсь, как они тотчас не скинули его со стола.)

4. После 1768 года бедная Наннерль оставалась дома с матерью, а Леопольд и Вольфганг стали ещё больше разъезжать, главным образом по Италии, где Моцарт впервые по-настоящему прославился как оперный композитор — и это на родине оперы! (Оперу и в самом деле придумали в Италии.) Неплохое достижение для подростка...

Кстати, о достижениях...

Однажды в Риме Моцарт услышал, как папский хор исполняет знаменитое произведение Аллегри «Мизерере». Это довольно длинное и сложное сочинение считалось настолько священным, что никому не разрешалось даже переписывать ноты. Моцарт прослушал его один раз, пришёл домой, записал целиком по памяти, пошёл, послушал ещё раз, сделал несколько исправлений — теперь у него была идеальная копия запретной композиции! Если бы об этом узнали папские власти, у Моцарта были бы БОЛЬШИЕ НЕПРИЯТНОСТИ. Эти итальянцы XVIII века были, надо сказать, престранный народ: однажды Моцарт давал концерт в Неаполе, и у него на пальце было надето кольцо. Публика оставалась равнодушной: ну как же, он так восхитительно играет только потому, что его кольцо обладает волшебной силой. Тогда Моцарт снял кольцо и сыграл без него. Публика буквально захлебнулась от восторга! Такие чудачки.

5. После многих лет гастролей возникла одна проблема. Официально Леопольд состоял на службе зальцбургского архиепископа. Старый архиепископ не имел ничего против того, чтобы Моцарты то приезжали, то уезжали; но он умер, и был назначен новый, куда более строгий. Этот не был в таком восторге от Моцартов, как предыдущий. Он заявил, что,

поскольку музыкант числится на службе и жалованье ему выплачивается (ничтожное) даже тогда, когда он бывает в отъезде, пора ему осесть в Зальцбурге и начать зарабатывать себе на хлеб насущный. Кажется, он даже не заметил, что Вольфганг гений. И вот Моцарт, к большому своему неудовольствию, примерно на четыре года застрял в Зальцбурге, нанятый на службу к архиепископу за символическую плату, которая была даже меньше, чем у его отца. После полной приключений жизни путешественника Моцарт с трудом переносил скуку крошечного городка. Дурацкие игры в Зальцбурге...

В Зальцбурге, помимо сочинения и исполнения музыки, Моцарту делать было особенно нечего. Ему оставалось только влюбляться в красивых девушек, поглощать в большом количестве каплунов и печёночные клецки с кислой капустой (фу, какая гадость!) да играть со своими родственниками и друзьями в такую игру: рисовали цель, обычно непристойную картинку (крайне непристойную, если её рисовал Моцарт), а потом стреляли по ней из духового ружья! Такая вот виртуальная игра XVIII века.

6. Когда Моцарту исполнился двадцать один год, он уже настолько возненавидел нового архиепископа, что просто не мог находиться с ним в одном городе и написал прошение об отставке. Архиепископ ответил очень любезно — он уволил и Вольфганга, и Леопольда. Однако Леопольд просто не мог себе позволить остаться без жалованья, поэтому каким-то образом устроил так, что сам он место сохранил, а Вольфганг обрёл свободу. Однако Леопольд отнюдь не собирался позволять Вольфгангу путешествовать в одиночку. Было решено, что Леопольд и Наннерль останутся в Зальцбурге, а Моцарта в его поездках будет сопровождать мать. И, упаковав за них весь багаж, заранее, насколько это было возможно, организовав всю поездку, разобравшись с деньгами, в общем, просуетясь и прохлопотав больше обычного, Леопольд с глубокой печалью простился с женой и сыном и погрузился в беспокойство...

Леопольда беспокоило всё...

...правильно ли Вольфганг с матерью питаются и то ли они пьют, что надо, хорошо ли они одеваются и завязывают ли шнурки в башмаках; не завелись ли у Вольфганга вши в волосах и не поскользнулся ли он на мостовой, и так далее. Ну а больше всего он беспокоился из-за денег или, точнее, из-за их отсутствия. Конечно, смешно было так волноваться за Вольфганга, теперь уже взросло мужчину, и относиться к нему как к малому ребенку. (Леопольд сокрушался даже из-за того, что прошли те времена, когда каждый вечер перед сном Вольфганг вставал на стул, пел

песенку и несколько раз целовал папочку в нос. Очень хорошо, что они уехали, — если бы Вольфганг встал на стул, тот бы сломался и Леопольду пришлось бы покупать новый.) Беда в том, что, как это ни странно, у Леопольда были вполне веские основания для беспокойства. С практической точки зрения Вольфганг представлял собой ходячее бедствие. Леопольд считал, что дело Вольфганга — зарабатывать деньги. Он ко всем относился с большим подозрением («Все люди мерзавцы», — ласково говорил он) и был уверен, что его сыну никто не поможет, что одним только своим гением Вольфганг вызывает зависть других музыкантов и те стараются ему напакостить. Поэтому Вольфганг должен перед всеми заискивать, быть вежливым с нужными людьми и в совершенстве освоить искусство дипломатии. Вольфганг же, со своей стороны, считал, что его дело — приятно проводить время, сочинять и исполнять красивую музыку. Тогда все его будут любить и помогать ему, он заработает кучу денег и в придачу станет сказочно знаменитым.

Гм... К сожалению, Леопольд оказался тысячу раз прав.

7. Бедный Вольфганг — всё у него шло наперекосяк. Во-первых, он безумно влюбился в Алоизию Вебер и решил, что в этой жизни ему больше ничего не надо — только путешествовать в одной карете с семейством Веберов и добывать им деньги на пропитание. Можете себе представить, что об этом думал Леопольд. В конце концов Моцарт, который в самых витиеватых выражениях писал отцу всевозможную полуправду и отчаянно пытался склонить на свою сторону мать, получил строгое указание взять ноги в руки и отправиться в Париж (конечно, вместе с матерью), где он мог бы хоть что-нибудь заработать. С большой неохотой Моцарт поступил так, как ему было велено, и поехал в Париж, но не заработал ничего. В довершение несчастливого года в Париже его мать умерла...

Сообщая печальные известия...

Да, Моцарт во многих отношениях был довольно незрелым человеком, что вовсе не удивительно при таком странном воспитании. Однако, сообщая отцу о смерти матери, он вёл себя чрезвычайно деликатно. Его матери уже не было в живых, но Моцарт написал отцу, что она серьёзно больна и он надеется на лучшее. Одновременно он отправил письмо своему близкому другу в Зальцбург, сообщил ему всё как есть и попросил подготовить Леопольда и Наннерль к трагическому известию и поддержать их в эту трудную минуту. Через шесть дней он написал Леопольду грустную правду.

8. Итак, не имея особых перспектив заработать на жизнь в Париже, чувствуя себя бесконечно одиноким и несчастным (особенно после того как

Алоизия дала ему от ворот поворот), Моцарт был вынужден вернуться в ненавистный Зальцбург к «идиоту» (так вежливо его называл Вольфганг) архиепископу. Тот снова нанял обоих Моцартов назначил им годовое жалованье, которого как раз хватило бы на несколько хороших обедов в большом городе. Этот милейший человек считал, что, раз Моцарты числятся в его платёжной ведомости, он имеет право обращаться с ними как со слугами, критиковать музыку Вольфганга и даже читать их личные письма. (Поэтому, когда Моцарты хотели написать что-то совсем личное, они писали особым шифром. Их хозяин, наверное, в отчаянии жевал свою архиепископскую шляпу, но ничего не мог поделать.) К счастью, через восемнадцать длинных месяцев, после возвращения в Зальцбург Моцарт получил заказ написать большую оперу «Идоменей» для постановки в Мюнхене. Это была долгожданная перемена. Моцарт всегда хотел сочинять оперы, потому что в них соединяются театр и музыка. Конечно, он писал их и раньше, но «Идоменей» — его первая по-настоящему великая опера. Это был триумф, и даже Леопольд был счастлив!..
Подбирая музыку...

В отличие от Баха (смотри предыдущий раздел), чья музыка была всецело посвящена прославлению Бога (даже если ему приходилось писать, чтобы заработать на хлеб), или от Бетховена (смотри следующий раздел), который мог сочинять только тогда, когда его охватывало такое вдохновение, что не сочинять он не мог, Моцарт был очень практичным музыкантом и почти всегда писал для конкретных людей или по конкретным случаям.

Свои оперы Моцарт обычно создавал в расчёте на певцов, собиравшихся их исполнять. Он любил подгонять музыку под исполнителя, как портной подгоняет одежду под клиента. Несмотря на это, у него порой голова шла кругом от чересчур темпераментных исполнителей. Например, как-то раз в Италии на премьере одной его ранней оперы ведущая певица, примадонна, закатила настоящий скандал. Во-первых, местный эрцгерцог с эрцгерцогиней опоздали на три часа. Затем один из второстепенных исполнителей чудовищно переиграл и публика засмеялась не там, где нужно; это совсем испортило примадонне настроение. Но хуже всего было то, что, когда на сцену вышел главный герой, эрцгерцогиня вдруг с энтузиазмом захлопала в ладоши. «Почему она мне так не аплодировала?» — в слезах спросила примадонна, угрожая отменить все последующие спектакли.

Как оказалось, главный герой загодя распустил слух, будто он так волнуется, что не сможет спеть ни ноты, если эрцгерцогиня не подбодрит

его аплодисментами. И Моцарту приходилось терпеть такое всю жизнь...

9. Получив знаменитый пинок под зад, избавивший его от архиепископа, Моцарт почувствовал себя вольным человеком. В Вене он был чрезвычайно занят, к нему домой всё время приходили люди и уносили его фортепиано в какой-нибудь дворец или зал, где он давал концерт, ему восторженно аплодировали, но платили далеко не всегда. Деньги — или, скорее, их отсутствие — представляли серьёзную проблему. Несмотря на всю свою активность, Вольфганг словно попал в заколдованный круг — чем больше он зарабатывал, тем больше тратил и тем больше нуждался в деньгах. Сбылись все мрачные предсказания Леопольда. Моцарт строчил письма друзьям, прося у них денег. Пытаясь свести концы с концами и вернуть долги, он работал всё больше и больше и часто ощущал ужасную пустоту внутри. В последние годы жизни в Вене концертные ангажементы иссякли и Моцарт понял, что ему не вылезти из долгов. Один аристократ даже привлёк его к суду. Дело можно было уладить миром, но враги Моцарта постарались этого не допустить. И как он смог нажать столько врагов?

Возможно, Моцарт был высокомерен — он знал, насколько он лучше всех остальных музыкантов (за исключением Гайдна, которого он обожал) — и, наверное, слишком ясно давал это понять менее талантливым знаменитостям. С другой стороны, может быть, ему завидовали просто потому, что он был великим, — его ли в том вина? Единственной постоянной работой Моцарта было сочинение музыки для балов австрийского императора, но это не приносило больших денег, что ужасно его расстраивало.

Кто же были его друзья?

Только несколько человек протянули Моцарту руку помощи. В основном это были его товарищи по масонскому братству. Члены полутайного общества масонов, или «Вольных каменщиков», — аристократы и представители среднего класса (как Моцарт) — поставили своей целью достижение свободы и равенства для всех. В те годы связываться с масонами стало довольно опасно, поскольку император начал очень подозрительно относиться к этим идеалистам. Но Моцарт был им верен, он оставался масоном до конца жизни и даже убедил своего отца во время последнего визита Леопольда в Вену — отец и сын виделись тогда в последний раз — присоединиться к братству. Моцарт со всей страстностью относился к целям масонства и написал много музыки, вдохновлённой его идеями (включая знаменитую оперу «Волшебная флейта»). Наверное, Моцарта влекли туда и добрая компания, и добрые пирушки — а также

деньги, что ему ссужали братья-масоны! С другой стороны, общение с масонами, возможно, и довело Моцарта до беды.

Годы спустя Констанца мрачно говорила о том, что ей всё время приходилось удерживать мужа от дурной компании. Может быть, она имела в виду масонов, чьи политические идеи были опасно свободными? Или же кто-то — масоны? — пользовался щедрой натурой Моцарта и качал из него деньги? Скорее всего, мы этого никогда не узнаем.

10. Нам известно о печальном конце жизни Моцарта, и незачем всё это повторять. Но что случилось с его семьей? После смерти мужа Констанца была, конечно, раздавлена горем — и к тому же разорена. Как содержать себя и двух ребятишек? К счастью, многие люди пришли ей на помощь: одалживали деньги, присматривали за детьми, устраивали в её пользу концерты. В конце концов Констанца разбогатела и снова вышла замуж — за человека, который написал одну из первых книг о Моцарте! Из двух сыновей Моцарта один стал чиновником (я уверен, весьма чиновным), а другой — пианистом и композитором. Забавно, но Констанца окончила свои дни в Зальцбурге — городе, который Моцарт с таким нетерпением стремился покинуть! Сестра Моцарта, Наннерль, тоже провела свои последние годы здесь и умерла в доме, который находился всего в нескольких метрах от дома, где родился её брат. Не правда ли, странно, что две эти старые женщины, никогда особенно друг друга не жаловавшие, жили бок о бок в этом тесном маленьком городке, погруженные в воспоминания о давно умершем гении, которого они так сильно любили — каждая по-своему...

В тени своего отца...

Сыну Моцарта, пианисту и композитору Францу Ксаверу Вольфгангу, было всего пять месяцев, когда умер его отец. Он был очень талантлив, но тень великого отца преследовала его всю жизнь. Он так никогда и не решился в полной мере проявить свои таланты — боялся осрамить фамилию. Печально, ведь так много людей, связанных с Моцартом, страдали от того, что были к нему близки. Возможно, они сгорали потому, что слишком приблизились к солнцу! Нам повезло больше — сегодня мы можем просто греться в его восхитительных лучах. А три города — Зальцбург, который он пытался игнорировать, Вена, которая пыталась игнорировать его, и Прага — единственное место, где его по-настоящему ценили при жизни, — все эти города наживают сегодня огромные деньги на туристах, толпами стекающих к любому историческому зданию, связанному с Моцартом. В честь него даже названы известные шоколадные конфеты «Mozartkugel». Могу представить, что сказал бы Моцарт: «Как

сладко!»

Людвиг ван Бетховен 1770—1827

Если бы в 1820 году вы столкнулись нос к носу с Бетховеном на улицах Вены, что, признаться, маловероятно, поскольку вас тогда, скорее всего, ещё не было на свете, вы бы решили, что это престранный тип. Одежда растрёпанная, волосы растрёпанные, шляпа растрёпанная. Растрёпа какой-то, да и только. Бетховен шёл быстрым шагом, энергично жестикулируя и что-то бормоча себе под нос, и время от времени непонятно почему разражался громким смехом. Потом останавливался, пел, мычал или выл нечто невероятное, выхватывал из кармана записную книжку, что-то в неё записывал и топал дальше.

Если бы вы последовали за ним в дом, то изумились бы ещё больше. В комнатах царил полный кавардак: повсюду ноты, большая часть струн у фортепиано порвана, а внутри оно всё залито чернилами, старая рухлядь стоит как попало, кругом валяются объедки, а на самом видном месте может красоваться (выражаясь культурно) невынесенная ночная ваза. Прелестно. И если, придя домой, Бетховен чувствовал себя слишком разгорячённым энергичной ходьбой, он брал кувшин с холодной водой и выливал себе на голову. Вода расплескивалась по полу и протекала в квартиру этажом ниже — Бетховен не был идеальным соседом! Решив принять ванну, он мог сидеть в ней часами, надраивая себе бока, напевая и подрыкивая, как сытый медведь. После этого ему, возможно, вздумалось бы побриться, и тогда он размазал бы мыльную пену по всему лицу до самых глаз, поскольку борода у него росла прямо оттуда. Во время бритья Бетховен обязательно порезался бы, ведь он был так неловок. А если бы вдруг он вас заметил и обрадовался вашему приходу, вы бы тоже оказались в пене, поскольку он бросился бы вас обнимать, забыв, где он и что делает, и опрокидывая по пути столы и стулья. В довершение всего он мог бы раздавить вам руку, сжав её своей волосатой лапой в таком дружеском рукопожатии, что у вас бы слёзы брызнули из глаз!

Однако он мог и вовсе не заметить, что вы идёте вслед за ним по улице и заходите в дом, — ведь бедный Бетховен был глухим! Можете себе представить, каково великому композитору потерять слух и никогда больше не слышать ни единой ноты? Включите телевизор и выключите звук, а потом вообразите, каково прожить так всю жизнь. Ужасно — особенно для музыканта! Поэтому, заглянув ему в глаза, вы бы увидели в них бесконечную печаль. Но если бы вы написали что-нибудь в его

разговорную тетрадку — а так, по общему мнению, беседовать с Бетховеном было проще всего, — и ему бы это показалось забавным, его жемчужно-белые зубы сверкнули бы в довольной улыбке, потом раздался бы взрыв хохота и лицо его растянулось бы, как резиновая маска.

Многие боялись встречаться с Бетховеном, так как ходили слухи, будто он не любит людей. В самом деле, когда Бетховен сочинял музыку, он не хотел никого видеть. Но если Бетховену кто-то по-настоящему нравился, он был удивительно любезен и радушен. Он мог быть очень требователен, нередко становился крайне подозрительным даже по отношению к своим ближайшим друзьям и порой вёл себя с ними просто безобразно. Однако потом Бетховен почти всегда ужасно раскаивался и извинялся так искренне, что настоящие друзья прощали ему всё. (Однажды он написал своему другу: «Не смей больше приближаться ко мне! Ты вероломный пёс, и пусть палач повесит всех вероломных собак». А на следующий день он сообщил тому же другу: «Ты честный человек, и теперь я понял, как ты был прав. Так что заходи ко мне сегодня после обеда». Вот такое лёгкое непостоянство!) Бетховен со всеми вёл себя одинаково. Многие великосветские покровители оказывали ему поддержку; Бетховен не был неблагодарным, но он отказывался исполнять прихоти аристократов только потому, что они родились богатыми. Если они хотели, чтобы он был их другом, то должны были принимать его таким, каков он есть — в мятой одежде (он держался подальше от тех домов, где требовалось переодеваться к обеду), с грубыми манерами, громким смехом — и крутым нравом! Бетховен не выносил, когда с ним обращались как с дрессированным животным. Он не любил выступать перед людьми только для того, чтобы доставить им удовольствие, и терпеть не мог, когда кто-нибудь подслушивал, как он упражняется или сочиняет. Бетховен выступал только тогда, когда ему этого хотелось и когда был уверен, что его музыку оценят. Как-то раз он играл в одном аристократическом салоне, а в это время в соседней комнате некий граф шумно флиртовал с хорошенькой девушкой. И вдруг Бетховен вскочил из-за рояля и воскликнул: «Я не буду играть для таких свиней!» Конец шикарной вечеринке.

Если кто-то из его знакомых попадал в беду, не было никого заботливее Бетховена. (Например, он старался помочь младшей дочери Баха Регине Сусанне, которая в начале 1800-х годов пребывала в крайней нужде. Бетховен собирал для неё деньги.) Конечно, с годами его природная доброта никуда не исчезла, но чем хуже он слышал, тем более подозрительным становился. Он был совершенно уверен, что все вокруг хотят его надуть. Ему казалось, что экономки и слуги в доме строят против

него козни, и он увольнял их без всякой причины — это если они не уходили по собственной воле, после того как на них наорут, закидают тухлыми яйцами и запустят в голову тяжелой книгой! Кроме того, Бетховен всё время считал, что квартира, в которой он живёт, по той или иной причине ему не подходит, и постоянно переезжал с места на место. От этого порядка в его комнатах не прибавлялось.

Слово «неважно», по-видимому, вообще не входило в его лексикон. Для Бетховена было важно всё, от самой мелкой ноты в музыкальной пьесе до способа приготовления кофе. Тут (я имею в виду кофе) он всегда настаивал на том, что на одну чашку полагается шестьдесят зёрнышек — не пятьдесят девять и не шестьдесят одно, а именно шестьдесят, и непременно их считал. Это, наверное, был ужасно крепкий кофе. Попросите кого-нибудь из взрослых приготовить чашку кофе из шестидесяти зёрнышек и посмотрите, как его будут пить (ну и гадость!).

Бетховен так же страстно относился и к пище. Однажды он пошёл в ресторан и заказал какое-то блюдо. Официант принёс ему что-то не то, и Бетховен выразил недовольство. В ответ официант ему нагрубил и исчез в кухне. Вскоре он появился снова, неся в руках множество тарелок для других клиентов. Бетховен, не на шутку рассердившись, схватил свою тарелку (на которой лежало мясо с густой подливкой) и запустил в лицо официанту. Тот расвирепел, но руки у него были заняты тарелками, а по подбородку стекала подливка, которую приходилось слизывать, так что он ничего не мог поделать. Он выглядел так, что посетители ресторана начали смеяться. Бетховен тоже расхохотался и снова пришёл в хорошее расположение духа. (Однако мне жаль официанта.)

В другой раз Бетховен решил, что хватит с него ресторанов и что он будет готовить себе сам. Он пригласил нескольких близких друзей и угостил их собственноручно приготовленным обедом. Это была такая гадость, что никто не смог проглотить ни кусочка, но Бетховену еда очень понравилась, он с удовольствием всё слопал, не заметив более чем разочарованные лица своих гостей!

Бетховена почему-то зачастую считают сердитым и неистовым человеком. Но у него было много и других качеств. Бетховену выпала нелёгкая судьба. Он говорил: «Жизнь так прекрасна, но для меня она отравлена навсегда». Более слабый человек был бы раздавлен таким несчастьем — потерей слуха, самого важного для дела его жизни чувства, — но не Бетховен. Он был настоящим героем. Я думаю, что познакомиться с ним было бы замечательно.

Музыка

Многие думают, что музыка Бетховена тоже сердитая. Но несмотря на то что она звучит необыкновенно мощно, бывает мрачной или даже демонической, она также может быть легкой, весёлой и нежной. Многие произведения Бетховена отражают его любовь к природе (например, прелестная «Пасторальная симфония»); часто кажется, что его музыка предназначена для исполнения на открытом воздухе. Кроме того, в ней много юмора — Бетховен любил шутку и в жизни, и в музыке.

В отличие от Баха и Моцарта, которые сначала тщательно обдумывали музыку и потом (как правило) сразу записывали её набело, Бетховен практически всё писал с невероятными мучениями. Ему приходила в голову мелодия — часто во время прогулки, — и он тут же записывал её в блокноте (или на том, что было под рукой. У себя дома, если кончилась бумага, Бетховен использовал оконные ставни!). Потом он начинал работать над этой мелодией — изменял её, улучшал, в общем, мучился иногда по несколько лет. Блокноты Бетховена представляют необычайный интерес — мы видим, что некоторые самые известные мелодии звучали бы совсем по-другому, оставь он их в первоначальном виде. Даже в окончательном варианте рукописи Бетховена обычно выглядят так, словно в них разорвалась бомба. Ну и пострадали бедные переписчики, которым приходилось перебирать его сочинения для публикации!

Иногда жизнь Бетховена непосредственно отражалась в его музыке, иногда нет. Знаменитая Пятая симфония была написана в ту пору, когда Бетховен пытался смириться со своей глухотой, и действительно эта музыка звучит как борьба человека с судьбой. Но Третья соната для виолончели и фортепиано, написанная примерно в то же самое время, являет собой одно из самых лучезарных и умиротворённых произведений. Чем более прогрессировала глухота, тем прекраснее становилась музыка Бетховена. В безмолвии он создал совершенный мир звуков. В последние годы жизни Бетховен написал самую волнующую музыку на свете.

Что слушать. Это нетрудно — ведь так много произведений Бетховена целиком и полностью гениальны! Есть, конечно, у него и менее значительные вещи, но их немного, а все известные сочинения представляют собой подлинные шедевры. Я бы предложил начать с симфоний: может быть, с Пятой, с её бурным началом, словно изображавшим Судьбу; или с Шестой, «Пасторальной», в которой мы гуляем с Бетховеном по полям и лугам, где нас настигает грозная буря, а потом слушаем, как радуются крестьяне выглянувшему солнцу; или с Седьмой, с её изумительно красивым похоронным маршем в медленной части. После этого можно перейти к фортепианным сонатам:

«Патетической», «Лунной» или «Вальдштейн». Эти сочинения откроют перед вами двери в удивительный мир Бетховена, мир, который становится тем чудесней, чем больше его узнаёшь. И не спешите познакомиться со всеми его великими шедеврами сразу — они вас подождут! В конце концов вы придёте к таким творениям, как Девятая (последняя) симфония, где Бетховен, написав три части из четырёх только для оркестра, вдруг разражается песней, и четыре солиста и хор сливаются вместе с оркестром в торжественной «Оде к радости». Вы придёте к «Торжественной мессе», которую Бетховен сочинял почти четыре года, и к последним струнным квартетам — его глубоко личным высказываниям, навсегда изменившим язык музыки. Если вы подружитесь с Бетховеном, то обретёте спутника на всю жизнь, друга, который никогда не подведёт!

Кое-что из биографии

1. Бетховен родился в 1770 году в Бонне, в музыкальной семье. Он был самым старшим из всех выживших детей Иоганна и Марии ван Бетховен. Его младшие братья, Каспар Антон Карл и Иоганн Николаус, родились соответственно в 1774 и 1776 годах. Бетховена назвали в честь дедушки (и крёстного), глубоко уважаемого придворного музыканта, которого тоже звали Людвиг ван Бетховен.

Он умер, когда внуку только-только исполнилось три года, но у маленького Людвигу остались о нём самые тёплые воспоминания. Бетховен очень любил и свою мать, Марию, — она была тихой и доброй, в отличие от отца, Иоганна, который, похоже, был порядочной свиньёй. Иоганн тоже был музыкантом, но менее удачливым, чем его отец. Он считал, что его сын должен стать таким же вундеркиндом, как Моцарт, и зарабатывать много денег. Иоганн частенько напивался и заставлял Людвигу вставать посреди ночи и упражняться на фортепиано. Удивляюсь, как он вообще не отвратил маленького Людвигу от музыки на всю жизнь!

На самом деле никто не знает...

Когда родился Бетховен, в точности не знает никто. Его рождение было зарегистрировано 17 декабря. Это может означать, что он родился 16-го, но может — и 17-го. Сам же Бетховен праздновал день рождения 15 декабря! Он долго не знал даже, сколько ему лет, отчасти по вине отца, который хотел сделать из него большего вундеркинда, чем это было на самом деле, и заявлял, что мальчик родился в 1772 году. Бетховену было уже под сорок, когда он попросил одного из друзей отыскать его свидетельство о рождении, и только тогда узнал свой истинный возраст (плюс-минус несколько дней).

2. Хотя Бетховен и не был вундеркиндом, к шестнадцати годам его

музыкальные таланты проявились очень ярко: он стал превосходным пианистом и органистом и написал несколько сочинений. Чувствовалось, что ему необходимо расправить музыкальные крылья, и тогда его послали в Вену. Однако он не пробыл там и двух недель, как получил известие о серьёзной болезни матери и поспешил обратно в Бонн.

Встреча с Моцартом...

Возможно, самым запоминающимся событием его недолгого пребывания в Вене стала встреча с Моцартом. Моцарт находился тогда в зените славы. Бетховен сыграл в его присутствии свою фортепианную пьесу, но, видимо, не произвёл особого впечатления. Это, несомненно, задело Бетховена, который лучше всего импровизировал (то есть сочинял музыку в момент исполнения) либо когда пребывал в особенно хорошем настроении, либо когда по-настоящему злился. И вот он начал импровизировать на тему, предложенную Моцартом. Моцарту становилось всё более и более интересно. В конце концов он сказал своим друзьям, сидевшим в соседней комнате: «Берегите его; однажды он заставит говорить о себе весь мир».

3. Мать Бетховена умерла вскоре после его возвращения, и последующие четыре года ему пришлось жить в Бонне. Его отец всё больше превращался в беспросветного пьяницу, поэтому Бетховен был вынужден взять на себя обязанности по добыванию денег для семьи. Теперь он отвечал за воспитание своих младших братьев — нелёгкая ноша для такого молодого человека!

Кто хочет быть альтистом?

Основной работой Бетховена в это время была должность альтиста в придворном оркестре. Удивительно, как много великих композиторов играли на альте (а также по большей части на клавишных инструментах): и Бах, и Моцарт, и Гайдн, и многие композиторы более позднего времени, например знаменитые композиторы XIX века Шуберт, Дворжак и Мендельсон и композиторы XX века Бенджамин Бриттен и Пауль Хиндемит. Альт входит в семью скрипичных инструментов, его удерживают подбородком, как скрипку, но он немного больше по размеру, а по звучанию немного ниже. Я полагаю, что в камерной музыке этим композиторам нравилось играть средний голос — так они слышали всё, что происходило вокруг. Непонятно почему, но в наше время альт, а скорее альтисты, то есть люди, которые играют на альте, стали мишенью для всевозможных насмешек, выставяющих их (совершенно несправедливо) сущими придурками. Например: один альтист решил, что он сыт по горло всеми этими альтовыми шуточками, пора перековаться в скрипача. Он

отправился в магазин и сказал: «Я хотел бы купить скрипку». Продавец смотрит на него и говорит: «Сожалею, сэр, но у нас их не бывает. А вы случайно не альтист?» — «Э-э... да, — отвечает альтист. — А как вы догадались?» — «Да потому, что вы пришли в рыбный магазин», — вежливо объясняет продавец.

Ха-ха. Ха? Ладно, я думал, что будет смешно... Итак, вернёмся к Бетховену.

4. В 1792 году великий композитор Йозеф Гайдн (старый друг Моцарта) проезжал через Бонн и ему показали несколько произведений Бетховена. Гайдну, должно быть, они очень понравились (неудивительно!), ибо он взял Бетховена к себе в ученики. Вскоре Бетховен, которому великодушно помог курфюрст Бонна, последовал за Гайдном в Вену. Это второе путешествие позволило ему навсегда покинуть захолустный в ту пору Бонн и сделать себе имя в большом мире. Бетховен прожил в Вене всю оставшуюся жизнь, хотя вечно жаловался на венцев и на то, что они не в состоянии по достоинству оценить его музыку! В конце того же года умер его отец, Иоганн, и оба брата Бетховена перебрались к нему в Вену. Каспар Карл стал банковским служащим, а Иоганн Николаус аптекарем. (Их присутствие в Вене не слишком радовало Бетховена; он всё время ссорился с ними обоими и терпеть не мог своих невесток.) Приехав в великий город, Бетховен был готов работать сутки напролёт, чтобы стать великим музыкантом. Но на занятиях с Гайдном он не слишком продвинулся — конечно, Бетховена учить было нелегко! Однако он довольно быстро обрёл известность как пианист и композитор. Бетховен давал множество концертов для венских аристократов — любителей музыки; у некоторых из них были частные оркестры и даже оперные труппы. Чтобы заработать на жизнь, композитору приходилось также давать уроки — не самая блестящая идея.

Бетховен часто выходил из себя, да так, что как-то раз укусил одного ученика в плечо! Впоследствии три венских аристократа приняли решение выплачивать Бетховену ежегодное пособие, чтобы он мог не думать о деньгах и посвятить всё своё время сочинению музыки. (Бетховен всё равно продолжал думать о деньгах. Он всегда о них беспокоился и не умел разумно ими распоряжаться. Да к тому же, вскоре после того как они пообещали выплачивать ему пособие, один из аристократов погиб, упав с лошади, а другой был объявлен банкротом!)

Что за сентиментальные болваны!

Ранние концерты Бетховена очень сильно отличались от тех, которые бывают сейчас. Прежде всего, их, как правило, устраивали не в концертных

залах, а в роскошных дворцах и особняках. Публика состояла исключительно из дам и господ высшего сословия, приходивших по особым приглашениям. Иногда Бетховен исполнял сочинения других композиторов, например Баха или Моцарта, и заодно показывал свои последние композиции. Однако в то время он, пожалуй, славился прежде всего своими импровизациями. Кто-нибудь предлагал Бетховену тему, и он тотчас же создавал на её основе целую пьесу. Это у него так хорошо получалось, что он с лёгкостью мог растрогать слушателей до слёз, но стоило ему заметить, что они плачут, как он или начинал смеяться над ними, или злился и обзывал сентиментальными болванами! Время от времени в Вену приезжал какой-нибудь виртуоз (то есть блестящий исполнитель) и композитор и выступал с огромным успехом. Если Бетховен считал, что это хороший музыкант, он был к нему или к ней удивительно благосклонным. Например, услышав известного композитора Вебера (двоюродного брата жены Моцарта Констанцы), Бетховен привёл его в полное замешательство: кинулся обнимать и с восторгом обозвал «сущим чертякой», а ведь их ещё даже не представили друг другу! Но если Бетховен был невысокого мнения о новопривывшем, он заявлял об этом без обиняков и мог тут же доказать своё превосходство. Как-то раз из Парижа приехал такой музыкант и исполнил квинтет собственного сочинения и «импровизацию» (возможно, не столь уж и импровизированную) на тему, которую Бетховен использовал в одном своём произведении. Бетховен воспринял это как оскорбление. Он прошествовал на сцену, выхватил виолончельную партию из квинтета выскочки-гастролера, установил её вверх ногами на пюпитре фортепиано, одним пальцем отдубасил несколько нот, а затем сочинил из этих нот такую восхитительную фантазию, что у публики перехватило дыхание от восторга, а «соперника» и след простыл — он в ярости бросился вон. Ха-ха!

5. Уже в тридцать лет Бетховен был вынужден признаться ближайшим друзьям, что теряет слух. Его друг Мельцель (изобретатель метронома — отстукивающего устройства, которым мы пользуемся до сих пор — оно помогает выдерживать темп в музыке) сделал Бетховену огромную слуховую трубку, но даже это не помогло. В 1802 году Бетховен написал завещание — глубоко трагическое письмо, адресованное братьям, в котором рассказал, как тяжело он страдает из-за своего несчастья. Письмо было написано в небольшой деревушке Гейлигенштадт недалеко от Вены (Бетховен обычно каждый год уезжал на несколько месяцев в деревню); оно известно как «Гейлигенштадтское завещание». Бетховен слышал всё хуже и хуже, постепенно все звуки для него слились в непрерывный рёв и

свист, а последние девять лет жизни он не слышал вообще ничего — его окружила полная тишина.

Из-за глухоты...

...Бетховену пришлось постепенно прекратить выступления в качестве пианиста — он больше не слышал, правильно ли он играет. Тем не менее почти до конца жизни композитор дирижировал собственными оркестровыми сочинениями; правда, иногда это создавало весьма конфузные ситуации. Бетховен, видимо, никогда не был супердирижёром, но после потери слуха его дирижирование превратилось в сущий кошмар. Бетховен был Бетховеном и делал всё преувеличенно наглядно. Если он хотел, чтобы оркестр играл тихо, он мог забраться под дирижёрский пульт, а если требовалось сыграть громкий аккорд, вдруг подпрыгивал. Ему было трудно разобрать, что именно играет оркестр, иногда он терялся и начинал подпрыгивать прямо посередине прелестного тихого пассажа! О боже...

6. Хотя Бетховен никогда не был женат, он, несомненно, не был врагом женского пола: стоило ему увидеть на улице привлекательную женщину, он тут же напяливал очки и старался разглядеть её получше. (И как это он умудрялся ни разу не получить пощёчины!) Бетховен всё время безумно влюблялся и даже делал предложение, но по разным причинам из этого ничего не получилось. Одни дамы отвергали его потому, что считали сумасшедшим, другие уже были замужем. Иные же по-настоящему любили Бетховена, но они происходили из аристократических семей, и им не позволили бы выйти замуж за простого композитора! Вообще-то тут стоит разобраться в небольшой путанице: приставка «фон» в немецком имени говорит о благородном происхождении, а приставка «ван» широко распространена в Голландии, и ничего аристократического в ней нет. У Бетховена были голландские предки; вот отсюда и взялась приставка «ван». Некоторые снобы думали, что его зовут Людвиг фон Бетховен, и были очень разочарованы, узнав его настоящее имя. Ходил также дурацкий слух, будто гениальность Бетховена объясняется тем, что он побочный сын короля Фридриха Великого! Интересно, что бы на это сказала мать Бетховена?!

Любовное письмо...

Среди оставшихся после смерти Бетховена бумаг сохранилось написанное им письмо, ныне известное как письмо «Бессмертной возлюбленной». Это удивительно страстное письмо адресовано женщине, которую он, по-видимому, очень любил и которая, судя по интимному тону письма, наверное, его тоже очень любила. Существует множество теорий, но никому в точности не известно, кто на самом деле была эта

«Бессмертная возлюбленная». Интригующая тайна...

7. В 1805 году Бетховен застрял в оккупированной французской армией Вене. Он страшно боялся артиллерийских залпов (возможно, они особенно неприятно действовали на его больные уши?) и спрятался в подвале дома, принадлежавшего брату Карлу, зарывшись с головой в подушки, чтобы не слышать грохота. Всего через неделю после того, как французы боевым маршем вошли в Вену, состоялась премьера единственной оперы Бетховена под названием «Леонора» (вот некстати так некстати!). Почти все поклонники таланта композитора поспешили укрыться за городом, поэтому публики у «Леоноры» было немного, да и успеха тоже. Позднее один из прирученных Бетховеном принцев созвал в своём доме конференцию, на которой знатоки искусства надавали Бетховену советов, каким образом он мог бы улучшить свою оперу. Бетховен ужасно обиделся, что неудивительно, однако в конце концов внёс множество изменений, в том числе написал четыре совершенно разные увертюры и поменял название оперы на «Фиделио». В конце концов её признали одной из величайших опер, когда-либо написанных.

Рассердился на императора...

Во главе французской армии стоял прославленный Наполеон. Поначалу Бетховен восхищался Наполеоном, который сумел подняться из низов и стать самым могущественным человеком в Европе. Бетховен считал, что все люди рождаются равными (вот почему, когда он ввел в Девятую симфонию солистов и хор, он выбрал текст, основной идеей которого было «все люди братья»). Он с подозрением относился к аристократам, хотя те и поддерживали его. Поэтому ему нравилось, что «низкороденный» Наполеон стал правителем Франции, не имея изысканного титула. Бетховен собирался посвятить Наполеону свою Третью симфонию, «Героическую», но потом Наполеон сам короновался как император Франции. Бетховен был возмущён до глубины души. «Теперь ради удовлетворения собственных амбиций он растопчет права человека!» — кричал он. Он схватил титульный лист симфонии с посвящением Наполеону, разорвал и бросил на пол. Существует рукописная партитура симфонии, в которой имя Наполеона яростно перечёркнуто — выглядит это весьма эффектно!

8. В 1815 году умер брат Бетховена Каспар Карл, назначивший Бетховена опекуном своего девятилетнего сына Карла. К сожалению, он указал, что Бетховен должен разделить ответственность с матерью мальчика Иоганной, а они друг друга терпеть не могли. «Да помирят их Господь ради благополучия моего сына», — написал Каспар Карл в своём

завещании. Чёрта с два! Началась ужасная борьба, которая продолжалась несколько лет и вовлекла Бетховена в бесконечные и ожесточённые юридические споры. Это, наверное, был самый мрачный период его жизни. Он настолько был поглощён тяжбой за маленького Карла, что в течение двух лет почти ничего не сочинял.

Но для Карла...

...это тоже было далеко не легко. Разрываясь между властным дядей и хитроумной матерью, он окончательно запутался и пришёл в отчаяние. В 1826 году Карл попытался застрелиться из двух пистолетов. К счастью, стрелял он плохо и отделался незначительными ранами. Бетховен, видимо осознавший, что его ревность и собственнические инстинкты во многом сделали Карла несчастным, был опустошён. Один знакомый увидел Бетховена вскоре после этого инцидента и говорил потом, что тот выглядел как семидесятилетний старик. Но Карл выжил, а когда Бетховен умер, унаследовал всё его имущество. Бетховен и вправду любил этого мальчика — по-своему, в своей невозможной, невыносимой, безудержной манере.

9. С 1817 года Бетховен с головой погрузился в сочинительство. Именно за последние десять лет жизни он создал несколько выдающихся произведений — величайшую музыку из всей когда-либо написанной. Это три последние фортепианные сонаты, Девятая симфония, «Торжественная месса» и, наконец, цикл струнных квартетов, которые словно подводят итог его жизни, полной радости, страдания и смирения. Хотя многие тогда считали его самые поздние сочинения очень трудными для восприятия — музыка Бетховена находилась на расстоянии нескольких световых лет от музыки большинства его современников, — все понимали, что это гениальный композитор. В 1824 году на одном из своих последних концертов Бетховен дирижировал премьерой Девятой симфонии и тремя частями «Торжественной мессы». Закончив, он остался стоять, перелистывая партитуру; он не знал, что творится у него за спиной, тут один из певцов потянул его за рукав и заставил оглянуться. Бетховен повернулся к залу и увидел, что люди повскакивали с мест и устроили ему настоящую овацию. А он ничего не слышал.

Живая память...

Кажется, всё это было так давно — ведь Бетховен умер в 1827 году. Но есть одна маленькая история, которая, по-моему, может приблизить эти события к нам. Мой отец родился в России в 1917 году, а в 1923 году его увезли в Вену. Он до сих пор смутно припоминает, как в Вене они ходили смотреть какую-то квартиру и познакомились с 102-летней домовладелицей, которая взъерошила ему волосы. Моему дедушке адрес

показался знакомым. «Не в этом ли доме жил незадолго до смерти Бетховен?» — спросил он. Старуху хозяйку передёрнуло от отвращения. «Ах! — воскликнула она. — Я очень хорошо его помню. Это был грязный старикашка. Он вечно плевался!» Гм... Да, у Бетховена в самом деле была дурная привычка плевать из окна. Иногда он промахивался, иногда путал окно и зеркало — в общем, не очень красивая история, хоть она и запомнилась. И всё же мой отец собственными глазами видел того, кто знал Бетховена, а это каким-то образом делает великого человека (Бетховена, конечно, а не моего отца!) гораздо ближе к нам во времени.

10. В конце 1826 года Бетховен, чей сильный от природы организм уже был ослаблен болезнью, жестоко простудился. Он никак не мог оправиться от болезни и становился всё слабее и слабее. На смертном одре Бетховен, по крайней мере однажды, пережил приятные минуты: Лондонское королевское филармоническое общество, прослышав о его состоянии, решило помочь ему деньгами и прислало 100 фунтов — сумму, огромную по тем временам. Бетховен был потрясён, но это было одно из последних счастливых мгновений в его жизни. Он умер 26 марта 1827 года во время ужасной грозы. Собравшиеся вокруг его постели рассказывали, что Бетховен сидел, освещённый вспышками молний, и грозил кулаками небу, а потом откинулся на подушки.

Последнее прощай...

Тогда в Вене было всего около 250 тысяч жителей — примерно в 32 раза меньше, чем сегодня в Лондоне или Нью-Йорке. Чтобы проститься с великим мастером, во время похорон Бетховена на улицах Вены собралась громадная толпа, по подсчётам очевидцев, — около 20 тысяч человек. Это равносильно тому, как если бы в наше время на улицы Лондона или Нью-Йорка вышло больше полумиллиона человек. Очень впечатляет...

Роберт Шуман 1810—1856

Роберт Шуман всегда был одним из моих героев. Я его обожаю! Я люблю его музыку, люблю его писания, его характер. Но жить с ним в одном доме я бы ни за что не согласился. Шуман был невозможным человеком! Он никогда не пребывал в нормальном состоянии: он был или так счастлив, что едва мог говорить, или же настолько подавлен, что не мог вымолвить ни слова. Шуман вообще не отличался особым красноречием. Например, как-то раз ему захотелось, чтобы исполнили его новую симфонию, и он пошёл к своему другу — скрипачу и дирижёру Фердинанду Давиду. Эти двое битый час просидели друг против друга в полном молчании, и бедный господин Давид никак не мог догадаться, чего же всё-таки Шуман от него хочет. Когда он в конце концов догадался и согласился исполнить эту симфонию, Шуман пришёл в восторг и жестами показал, что с радостью сам заплатит музыкантам. Проявив такие чудеса ораторского искусства, он, по всей видимости, решил, что выполнил свою миссию. Он молча уселся обратно в кресло, выкурил две сигары (Шуман любил сигары), попытался что-то сказать (из этого ничего не вышло, поскольку в самый ответственный момент он обычно вытирал ладонью рот), а затем встал, собираясь уходить. Он взял шляпу, забыл про перчатки, кивнул, пошёл не в ту дверь. Не смог выйти, запаниковал, затем отыскал нужную дверь и исчез, возможно оставив господина Давида раздумывать над тем, с какой планеты свалился его гость!

Шуман, в общем-то, был хорош собой — во всяком случае, в молодости, — но выглядел порой весьма странно. Сочиняя музыку, Шуман любил курить сигары, но дым лез в глаза, а это ему совсем не нравилось. Поэтому, чтобы отогнать дым, он выпячивал губы. Кроме того, Шуман любил насвистывать или напевать музыку, которую сочинял, а это было трудно сделать, если держать во рту сигару, выпятив губы. Поэтому звуки он издавал очень странные и корчил ещё более странные рожи — опять-таки как существо с другой планеты.

Вообще-то большую часть времени он и впрямь был на другой планете или, по крайней мере, в другом мире. Шуману сложно было уследить за тем, что происходило в реальной жизни, ибо он с головой погружался в свои мечты, свои фантазии и свою поэзию. Не меньше, чем музыку, он любил книги. Больше всего ему нравились романы, в которых герои носили загадочные маски и претерпевали ужасные превращения, а влюблённых не

могла различить даже смерть. Шуман был тем, кого мы сейчас называем «романтическим художником» — всё, что он сочинял или о чём просто думал, как будто исходило из другого мира, более прекрасного, более драматичного, более волшебного, чем наш. Однако, как ни странно, в некоторых вопросах Шуман был на удивление практичным человеком. Например, дома он вёл специальные книги, в которые очень аккуратно записывал все свои доходы и расходы до последнего гроша. Да, весьма занятная смесь.

Наверное, композитор унаследовал это сочетание романтической мечтательности и любви абсолютной точности от своего отца Августа Шумана. Тот был издателем, книготорговцем и писателем. Диапазон написанных им книг пробирался от романов, полных неземной тайны и любви, до так называемой адресной книги — справочника с адресами всех фирм той части Германии, где он жил. Забавно думать, что отец Шумана составил некое подобие «Желтых страниц»! Август Шуман умер, когда сыну было шестнадцать лет. Роберт попал под нежную опеку своей матери. Она, безусловно, желала ему добра, но испортила немало крови. Как и Шуман, она имела склонность впадать в депрессию, но была лишена творческого огня и взрывной энергии сына. Что бы Шуман ни делал — всё приводило бедную женщину в отчаяние, и она в слезах бросалась в кресло. Сначала она заставила его изучать право, тогда как он отчаянно хотел стать писателем или музыкантом. (Мать Шумана боялась, что без «настоящей» профессии её сын никогда не сможет заработать себе на хлеб.) Затем, почти в девятнадцать лет, Шуман познакомился с преподавателем Фридрихом Виком, который сказал, что сможет сделать из него великого пианиста. Из-за этого госпожа Шуман несколько дней не могла подняться со своего кресла, однако в конце концов сдалась. После того как Шуман фактически переселился в дом Вика и подчинился суровой дисциплине учителя, мать снова вернулась в своё кресло, ибо считала, что всё это совсем не годится для её Роберта.

Имейте в виду, Вик был тот ещё тип. Его, наверное, нельзя назвать законченным мерзавцем, однако и душкой, безусловно, тоже не назовёшь. У него была дочь по имени Клара. Когда Шуман поселился в доме, Кларе исполнилось всего одиннадцать лет, но она уже была великолепной пианисткой, гордостью и радостью своего отца. У Вика был ещё и сын по имени Алвин, на два года младше сестры. Он был скрипачом, но куда менее великолепным. Однажды Алвин довольно плохо что-то сыграл своему отцу, Вик заорал на него и ударом кулака сбил с ног и оттащил за волосы. А Клара, тихо улыбаясь, уселась за фортепиано и начала играть,

как всегда без единой ошибки. Шуман, ставший свидетелем всей этой сцены, был потрясён до глубины души. «Неужели я нахожусь среди людей?» — изумлялся он.

С другой стороны, Вик иногда бывал с Шуманом очень мил, а Клара даже ещё милее. Во время прогулок Шуман обычно шёл, глядя в небеса, погружённый в мечты о птичках и кустах, о пчёлках и цветах (ну ладно, может быть, в этом было немного больше поэзии!). А Клара шла рядом и смотрела на землю, а увидев, что на пути лежит большой камень, дёрнула Шумана за рубашку. Неплохо придумано — во всяком случае, для него...

А потом случилось нечто странное — Клара выросла. Роберт вдруг заметил, что она превратилась в довольно-таки миловидную девушку, и в один прекрасный день страстно её поцеловал. (Приношу свои извинения тем, кто не любит подобных сцен, — это место можете пропустить. Однажды я повёл своего сына на приключенческий фильм. Я боялся, что от сцены насилия он расстроится, однако он даже бровью не повёл. Потом началась любовная сцена с поцелуем, и следующие пять минут мой сын просидел, закрыв глаза и тяжело вздыхая. Все наоборот! Ну да ладно.) Как бы то ни было, Клара чуть не упала в обморок (и хорошо, что не упала, — в это время они стояли на каменных ступеньках, она могла бы удариться головой и всё испортить). Клара безумно влюбилась в Роберта, а он в неё, и всё вокруг для них расцвело и запело.

За исключением одного — Вика. Вик взбесился. Он хотел, чтобы его дочь стала самой знаменитой пианисткой на свете, повсюду гастролировала, зарабатывала неслыханные гонорары (которые он оставлял бы себе) и в конце концов вышла бы замуж за какого-нибудь принца, конечно при условии, что принц богат. Брак с этим молокососом Робертом Шуманом, который денег имел мало, а пил слишком много (Шуман питал изрядное пристрастие к шампанскому и к пиву, а также к приготовленной из них смеси — какая гадость!) и к тому же непонятно выражался, — нет, это в планы Вика никак не входило. И Вик запретил влюблённым встречаться.

Шуман был не из тех, кто легко относится к подобным вещам. Он не мог сказать себе: «Ну ладно, раз не могу получить Клару, может, повезёт в следующий раз». Шуман погрузился в глубокое отчаяние. Вдобавок ко всему он так хотел совершенствоваться как пианист, что придумал машинку для разработки пальцев, которая искалечила ему руку, так что он больше не мог играть на фортепиано! С другой стороны, именно тогда начался истинный взлёт Шумана как композитора и литератора. До этого он обычно сочинял довольно скверные рассказы о скелетах, кладбищах и

бледных молодых девицах, бегающих повсюду в ночных сорочках, а его музыка часто была похожа на некое музыкальное сопровождение к этим рассказам. Теперь же Шуман организовал превосходный музыкальный журнал и писал на удивление странные, но блестящие статьи о музыке, благодаря которым прославился как критик. И он изливал свои чувства к Кларе в цикле восхитительных пьес для фортепиано — инструмента, на котором она так хорошо играла и на котором он уже никогда больше не будет играть по-настоящему.

Бедная Клара разрывалась между деспотом-отцом, много лет бывшим для неё единственным авторитетом (её мать в своё время сбежала с другим мужчиной, что неудивительно), и нервным, но милым Робертом. Она никак не могла решить, кто ей больше дорог. Поскольку видеться влюблённым не дозволялось, они с Робертом всё время писали друг другу письма. В одних письмах она говорила, что любит Роберта и не может без него жить. Тогда от избытка счастливых чувств Шуман сочинял новое музыкальное произведение, полное тайных посланий к возлюбленной. Однако в других письмах Клара выражала озабоченность тем, что Роберт не сможет содержать их обоих, что его музыка слишком сложна для публики и что она не может бросить отца. Роберт воспринимал её сомнения спокойно, как разумный человек — он всего лишь грозился покончить с собой. В конце концов ситуация стала настолько невыносимой, что влюблённые привлекли Вика к суду и попросили суд выдать им разрешение на брак. Дело они выиграла. Вик обиделся до конца своих дней, а для Роберта и Клары зазвонили свадебные колокола. Ему было тридцать, ей на следующий день после свадьбы исполнился двадцать один год. В общем и целом, им было что праздновать. Или казалось, что было.

Семейная жизнь молодой пары началась с восторгов, однако вскоре между супругами возникли разногласия и размолвки. Главная проблема состояла в том, что Клара по-прежнему хотела концерттировать, а Роберт считал, что она должна сидеть дома, рожать детей и заботиться о них и о нём. Клара, по всей видимости, была страшно разочарована — ей, одной из величайших пианисток мира (а также очень талантливому композитору), не разрешалось путешествовать и выступать. Мало того, когда её муж сочинял (порой целыми днями), Кларе нельзя было даже подходить к фортепиано, поскольку посторонние звуки его отвлекали. Шуману всё это тоже не доставляло особой радости — он мучился угрызениями совести из-за своего эгоизма, но для того чтобы хоть чего-то достичь, ему нужна была спокойная жизнь. Шуман ненавидел путешествия и совершенно не мог сочинять, находясь вдали от дома. К тому же ему совсем не нравилось,

когда с ним обращались как с бесплатным приложением к знаменитой жене, но в те времена женщина даже подумать не могла о том, чтобы путешествовать без мужа. Что им было делать?

Но, в общем, они кое-как справлялись, правда, Клара обычно была грустна, а Шуман зачастую впадал в жуткую депрессию. Тем не менее они оставались вместе, у них родилось семеро детей (только один из них умер в младенчестве — показатели выживания со времени Баха и Моцарта значительно улучшились) и порой Роберт и Клара бывали очень счастливы.

Однако Шуман становился всё более странным. В сорок лет ему впервые предложили достойное место музыкального директора в Дюссельдорфе. На словах всё звучало прекрасно, но на деле обернулось катастрофой. Прежде всего, Шуман должен был дирижировать местным оркестром и хором, но талантом дирижёра он не блистал. Посреди пьесы он мог погрузиться в мечты и оркестр растерянно замолкал. Или он жаловался, что духовые играют слишком тихо, и тогда кому-нибудь приходилось деликатно замечать, что вообще-то духовые не сыграли не ноты, поскольку он забыл показать, когда им вступать. Шуман постоянно ронял дирижёрскую палочку, поэтому в конце концов ему пришлось привязать её к запястью — ничего себе зрелище! От него также требовалось вести светскую жизнь и обхаживать всех местных аристократов. Как бы не так — это было совсем не в стиле Шумана. Общаться с людьми ему становилось всё труднее — обычно он сидел молча, поджав губы и как будто не замечая, что с ним пытаются заговорить. Жители Дюссельдорфа в конце концов решили, что их прекрасный город станет ещё прекраснее без Шумана в качестве музыкального директора, и велели ему убраться. Шуман был вне себя, да и Клара тоже. Для них это было катастрофой, и всё вокруг погрузилось в беспросветный мрак.

Но примерно тогда же произошло одно приятное событие: к ним в гости пришёл некий молодой человек и всё семейство Шуманов его полюбило. Дети любили его за то, что он вдруг ни с того ни с сего начинал проделывать на перилах лестницы невероятные акробатические трюки, заставляя их замирать от восторга. Родители тоже его полюбили: Роберт — потому, что молодой человек был редкостный композитор, да ещё и увлечённый поэтическими фантазиями (как он сам в его возрасте). Клара же — потому, что он был редкостный композитор и... редкостный красавец. Этого молодого человека звали Иоганнес Брамс, и он стал великим композитором — настолько великим, что следующая глава будет целиком посвящена ему. Но тогда Брамс только начинал, и именно Шуман первым распознал его гений. В свою очередь, Брамс и их общий друг

Йозеф Иоахим, знаменитый скрипач, который и познакомил Брамса с семьёй Шуманов, оказали Роберту и Кларе большую помощь, когда для них наступили тяжёлые времена. А эти тяжёлые времена были уже не за горами.

Один художник примерно в это время нарисовал портреты Брамса и Шумана. Брамс очень хорош собой: такой чувствительный юноша с почти детским лицом. Ему уже двадцать лет, а голос у него ещё полностью не установился, да и бриться ему пока практически не надо. Шуман, напротив, выглядит ужасно: он толстый, глаза у него очень странной формы и он явно чем-то обеспокоен. (В нижней части картины написаны ноты скрипичной партии из вступления к медленной части его Первого фортепианного трио — это одно из самых грустных сочинений Шумана, оно похоже на звуковой портрет депрессии и одиночества.) Его странность переставала быть простой эксцентричностью. Шуман начал слышать голоса, звучавшие у него в голове. Иногда эти голоса пели прекрасную музыку. Однажды Шуман встал посреди ночи в полной уверенности, что ангелы продиктовали ему великолепную мелодию. Он записал её и начал на основе этой мелодии писать пьесу. Это трогательная, нежная пьеса, наполненная грустью расставания; странно только, как он не заметил, что «ангельскую» мелодию сочинил он сам несколько лет назад и уже не один раз использовал.

Ужасная правда состояла в том, что Шуман терял рассудок. Иногда голоса у него в голове становились отвратительными. Они внушали Шуману, что он страшный грешник и плохой композитор, они играли ему жуткую музыку. Он начал бояться, что в приступе безумия может совершить что-нибудь ужасное, а однажды, хотя Шуман и находился всё время под пристальным наблюдением, ему удалось ускользнуть из дома и добраться до реки Рейн, которая течёт через Дюссельдорф (эта река вдохновила Шумана на создание «Рейнской симфонии» — одного из его самых знаменитых произведений). Почти за двадцать лет до этого во время ссоры с Кларой он пригрозил, что выбросит подаренное ею обручальное кольцо в Рейн и сам бросится в реку вслед за ним. Теперь Шуман выполнил свою угрозу. Сначала он бросил в воду обручальное кольцо — во всяком случае, так считается, хотя никто этого не видел. Но кольцо в тот день действительно пропало да так и не нашлось. Мы знаем, что случилось потом: Шуман перебрался через лодки, которые образовывали мост, и бросился в ледяную воду. Его заметили рыбаки и поспешили вытащить. Шуман попытался броситься обратно, но рыбаки были сильнее, и в конце концов они отвели его домой, пробираясь сквозь весёлую карнавальную

толпу. (И снова: что за печальная ирония судьбы! Одно из самых знаменитых произведений Шумана называется «Карнавал» — это жизнерадостная пьеса для фортепиано.) Дома Шуман немного успокоился и даже закончил вариации на «ангельские» мелодии, которые начал за несколько дней до этого, но он действительно был в отчаянии. Наконец он принял решение. Он отправится в психиатрическую клинику. Клара умоляла не оставлять её, но Шуман сказал, что должен это сделать, что скоро выздоровеет и вернётся.

Итак, в сопровождении двух санитаров и врача Шуман забрался в запряжённую лошадьми карету и покинул свой дом, не попрощавшись ни с Кларой, ни с детьми, которых ему больше не суждено было увидеть.

Лечебница находилась довольно далеко от Дюссельдорфа, в маленьком местечке Эндених, рядом с Бонном (городом, где родился Бетховен). Шумана привезли туда в ужасном состоянии — он был уверен, что его жена умерла, кричал до хрипоты и считал себя жертвой заговора. Но через несколько месяцев он постепенно успокоился и ему стало значительно лучше. Иногда он чувствовал, что мог бы вернуться домой, однако вскоре обнаружил, что одно дело попасть в лечебницу по собственной воле, а вот выбраться из неё — совсем другое. Прежде всего, даже чувствуя себя намного лучше, Шуман был не вполне нормальным — да он никогда и не был нормальным — и временами по-прежнему впадал в безумие. Доктора поохали и повздыхали, изучили анализы, посоветовались и решили повременить с его выпиской.

Какая кошмарная ситуация для всех! Клара, должно быть, ощущала себя ужасно виноватой. Её чувства были сложными, чтобы не сказать больше. Она не могла навещать Шумана, во всяком случае, доктора настоятельно советовали ей не делать этого. Она, вполне вероятно, очень хотела, чтобы Шуман выздоровел и вернулся. Но в то же самое время она, наверное, боялась, что Шуман опять станет буйным, если его отпустят слишком рано. К тому же теперь Клара могла разъезжать с концертами, о чём она всегда мечтала и от чего пришлось бы отказаться, вернись Шуман домой. Была и ещё одна сложность — Клара влюбилась в Брамса, а Брамс в неё. Что касается Брамса, то он, по-видимому, места себе не находил: он был предан Шуману (ему в числе немногих иногда дозволялось его навещать), но он был влюблён в жену Шумана. Что за безумное смешение страстей!

Но хуже всего было, конечно же, Шуману. Он жил в одиночестве в двух маленьких комнатках, всеми покинутый и оторванный от семьи, друзей и музыки — можно сказать, от жизни. Шуман называл себя так:

«Роберт Шуман — почётный член Небес». Живой мертвец. Он немного сочинял, в основном фуги на манер Баха, что всегда помогало ему навести порядок в голове, но потом рвал ноты, уверенный в их полной никчёмности. Время от времени Шуман играл в лечебнице на фортепиано, однако тот, кому довелось слышать его игру, потом рассказывал, что это было ужасно и напоминало сломанную машину, которая пытается работать, но может только судорожно дёргаться. Иногда Шуман впадал в буйство: он кричал и грозился запустить стулом в санитаря. Часто было невозможно понять, что он хочет сказать, — красноречием он никогда не блистал, но теперь его речь и вовсе превратилась в невнятное мычание. Если Шуман не писал фуги, он пытался навести порядок в голове, составляя алфавитные списки географических названий. (Может быть, Шуман вспоминал старую адресную книгу своего отца?) Он настолько отдавался этому занятию, что не обращал никакого внимания на посетителей. В общем, Шуман больше не мог общаться с людьми.

В результате Шуман, наверное, понял, что уже никогда не сможет покинуть лечебницу, и тогда он упал духом. Его физическое состояние ухудшилось, он перестал есть. В руках и ногах начались непроизвольные судороги. Шуман умирал. Наконец, через два с половиной года, к нему пришла Клара в сопровождении Брамса. Она с трудом узнала мужа. Ценой огромных усилий Шуман дрожащей рукой попытался её обнять и даже сделал попытку улыбнуться. Невнятно бормоча, он выдавил слово «моя» — может быть, он хотел сказать «моя Клара?» Шуман выпил из её рук вино и съел желе, хотя до этого отказывался принимать пищу. Но было слишком поздно; на следующий день он умер в полном одиночестве. К нему в комнату зашёл санитар, чтобы посмотреть, как пациент, и нашёл Шумана мёртвым. Совсем один, даже в последний миг.

Это такая печальная история, что мне тяжело даже думать о ней. Единственно возможным утешением может служить мысль, что, когда Шуман был счастлив, он был счастлив безумно, самозабвенно — наверное, куда счастливее, чем когда-либо будем мы с вами. Приятно сознавать, как обрадовался бы и, наверное, удивился Шуман, если бы узнал, насколько любят его музыку сегодня во всем мире.

Музыка

Если говорить в самых общих словах, я бы сказал, что музыка Баха демонстрирует нам божественное видение мира, музыка Моцарта представляет собой часть природы, Бетховен говорит от имени всего человечества. А Шуман? Музыка Шумана рассказывает нам о том, каким был Роберт Шуман. Но при этом она обращена ко всем нам, ибо чувства

Шумана были такими сильными, такими реальными, что мы можем распознать в нём и самих себя. Всё, что он испытал в своей жизни, изливается в его музыку. Ни одного другого композитора мы не можем узнать так близко. Шуман делится с нами своими самыми сокровенными тайнами, рассказывает свои самые заветные мечты — он говорит со слушателями так, словно они его любимые друзья.

Это отчасти объясняется тем, что Шуман сочинял главным образом для своих близких — чаще всего для Клары. Нередко музыка Шумана внезапно прерывается и звучит цитата из его более раннего сочинения (или из другого композитора, который нравился им обоим) — это личное послание Кларе, которое она очень хорошо понимала. А ещё возникает такое ощущение, что, в отличие от Баха и Моцарта, Шуман писал музыку не на заказ и не потому, что ему, как Бетховену, нужно было покорить грозную вершину; Шуман писал музыку потому, что не мог не писать: он должен был дать выход бушевавшему в нём вдохновению, иначе он бы взорвался! Нередко Шуман писал невероятно быстро, и было невозможно предугадать, каким будет его следующее сочинение. Для начала он написал множество огромных произведений для фортепиано. Затем, в тот год, когда Шуман женился на Кларе, его вдруг охватило безудержное желание сочинять песни — за год он написал более 140 песен! Через два года у него возник интерес к камерной музыке, и всего за шесть месяцев Шуман написал пять крупных камерных произведений. Плохо было то, что, сочиняя, он лихорадочно отдавался работе, а закончив, погружался в тоску и апатию.

Как описать красоту его музыки? Шуман ведёт нас в такие места, которые без него мы никогда бы не отыскали. Порой его музыка бывает настолько спокойной и мягкой, что мы чувствуем себя словно на небесах. Но иногда она становится до того яростной и пугающей, что мы как будто попадаем в ад. Все зависит от того, о чём грезит сам Шуман.

Однажды Клара сказала мужу, что он напоминает ребёнка. Вскоре после этого Шуман начал сочинять цикл пьес для детей и о детях и писал их почти до конца своей творческой жизни. Юные пианисты часто играют его «Альбом для юношества» — это две тетради фортепианных пьес; вначале совсем лёгкие и простые для исполнителя, постепенно они становятся всё труднее и труднее, но никогда не выходят за пределы технических возможностей юного дарования. Все пьесы в этом альбоме просто волшебные. Пианисты постарше любят играть его «Детские сцены». Они требуют подлинного мастерства, но вызывают в воображении милые детские переживания — «Грёзы», «Забавная история», «Полное

удовольствие» и другие. Кроме того, существуют знаменитые крупные циклы для фортепиано, такие как «Карнавал» и «Крейслериана». Они наполнены любовными поэмами, портретами, странными шутками и радостью с печалью пополам — ничего подобного в музыке создано не было, ни до, ни после.

Песни — сочетание поэзии и музыки — получались у Шумана просто превосходно, они поистине неотразимы, в каждой из них сокрыт целый мир чувств и образов. Четыре симфонии Шумана тоже великолепны. Первая симфония — «Весенняя» — открывается восторженным звучанием фанфар. Что за славное начало для первой симфонии! И так далее — всё, что Шуман сочинил, прелестно, странно, индивидуально. Одно из моих самых любимых музыкальных произведений — виолончельный концерт Шумана.

Поскольку с возрастом Шуман становился всё более странным, его музыка, естественно, тоже становилась более странной. Даже сейчас есть люди, которые заявляют, что поздняя музыка Шумана — слабая, лишённая вдохновения. По-моему, таких людей нужно закидать гнилыми помидорами и тухлыми яйцами. Его поздняя музыка не слабая. Шуман просто блуждает по неизведанным тропам, и это наше дело — последовать за ним или нет. Если да — перед нами откроются восхитительные пейзажи, только совсем иные. Музыка всегда стоит тех дополнительных усилий, которых она требует от слушателя. Я надеюсь, что вы познакомитесь с музыкой Шумана и полюбите её. Через неё вы проникнете в его душу — а это прекрасная душа!

Что послушать. Хорошим началом вашей дружбы с Шуманом может стать удивительный квинтет для фортепиано, двух скрипок, альты и виолончели или же чудесный, полный романтической страсти фортепианный концерт, написанный для Клары. Потом можно перейти к симфониям. Пожалуй, начните с Первой — «Весенней» — симфонии или же с Третьей — «Рейнской» — они великолепны! А если захотите погрузиться в самые сокровенные глубины музыки Шумана, послушайте его песни. Начните с песенных циклов «Любовь поэта» и «Круг песен», держа перед глазами их тексты, — это прекрасные стихи. (Они написаны на немецком, но к большинству записей прилагается небольшой буклет: слова песен в оригинале и в переводе на английский и французский языки, русским же слушателям от души советую выучить хотя бы один из этих языков — и как можно скорее! Поверьте, он вам пригодится не только для того, чтобы слушать прекрасные песни Шумана.) Если же захотите изучить более мрачные сочинения Шумана, лучше всего подойдёт Первое

фортепианное трио для скрипки, виолончели и фортепиано, ор. 63, а также «Мелодрамы», ор. 122 (очень страшные поэмы, которые декламирует чтец под фортепианный аккомпанемент, написанный Шуманом). Ну а затем, если совсем не затоскуете, послушайте последнее произведение Шумана — цикл нежных вариаций в ми-бемоль мажоре для фортепиано на «ангельскую» тему (посмертное сочинение), эту пьесу часто называют «призрачными» вариациями. В ней Шуман говорит миру последнее «прости». Однако я назвал всего лишь пункты, через которые можно проникнуть в мир Шумана, — вы найдёте там ещё много прекрасной музыки, непременно её полюбите...

Кое-что из биографии

1. Шуман — полное имя Роберт Александр Шуман — родился 8 июня 1810 года в маленьком городке Цвиккау на востоке Германии.

Сегодня...

Цвиккау официально называется Роберт-Шуман Штадт, что означает «Город Роберта Шумана». Вот Шуман удивился бы!

2. Шуман познакомился с Виком и Кларой в Лейпциге и прожил там четырнадцать лет. Именно в этом городе провёл последние двадцать семь лет жизни Бах.

Настоящий друг...

Шуман уже провёл в Лейпциге несколько лет, когда туда приехал руководить местными концертами великий композитор, пианист и дирижёр Феликс Мендельсон. Шуман перед ним преклонялся. Мендельсон тоже хорошо относился к Шуману — дирижировал его симфониями, защищал его перед Виком и назначил Шумана преподавателем в Новой музыкальной школе, открытой в Лейпциге. Единственная тень неприязни пробежала между ними тогда, когда Клара и Мендельсон, по мнению Шумана, слишком сдружились. Однако неприязнь вскоре рассеялась. Когда Мендельсон в возрасте тридцати семи лет внезапно скончался, Шуман был убит горем. Последнего сына Шумана — которого он никогда не видел — в честь Мендельсона назвали Феликсом. (Кстати, фамилия Мендельсон появляется где-то в моём генеалогическом древе. Я очень этим горжусь, хотя тут нет никакой моей заслуги!)

3. «Новый музыкальный журнал», основанный Шуманом в Лейпциге, принёс славу не только Шуману. Его доброжелательные и умные рецензии прославили музыку некоторых из композиторов на всю Германию. Шуман был одним из тех редких критиков, к которым (цитирую известное высказывание) музыканты относятся не так, как фонарные столбы относятся к собакам!

Раздвоение личности...

Однажды Шуман решил, что лучший способ справляться с резкими перепадами настроения — думать о себе как о двух разных людях. Он выдумал двух воображаемых товарищей, которых назвал Флорестан и Эвзебий. Это были два противоположных характера: Флорестан общительный и страстный, а Эвзебий задумчивый и замкнутый. Шуман использовал их и при написании рецензий: он сочинял их «беседы» о новых сочинениях. Они возникают и в фортепианных пьесах Шумана — Флорестан в энергичных местах, а Эвзебий — во внутренне сосредоточенных. Шуман на самом деле жил в фантастическом мире!

4. В тридцать четыре года Шумана охватила такая депрессия, что они с Кларой пришли к мысли о необходимости перемен. Шуман продал журнал, и они переехали в Дрезден. Одно непонятно в этом переезде — они почти никого там не знали, кроме ужасного Вика! Теперь, когда Шуман стал достаточно известным композитором, Вик несколько подобрел к нему, и всё же отношения оставались прохладными. Неудивительно, что на протяжении пяти лет, проведенных в Дрездене, Шуман часто бывал болен и несчастен. Однако за это время он очень много написал, в том числе и свою единственную оперу — удивительную сказку о добрых и злых чарах, которая называется «Геновева».

Ночное бегство...

Самым драматическим эпизодом жизни Шумана в Дрездене была, по-видимому, революция 1848 года. Бои шли рядом с их домом, на улицах валялись трупы. Клара решила, что им необходимо бежать. Оставив младших детей на попечение няни, она отвела старшую дочь Марию и Роберта в близлежащую деревню. Той же ночью она вернулась в Дрезден за остальными детьми и бежала вместе с ними через поле, наводненное вооружёнными людьми, — а ведь она была на седьмом месяце беременности! Шуману в это время действительно было очень опасно оставаться в городе: враждующие стороны заставляли всех мужчин принимать участие в военных действиях. Тем не менее трудно избавиться от ощущения, что иногда на Клару возлагали слишком большую ответственность. Шуман отреагировал на эти кровавые события сочинением нежной, идиллической музыки. Очень типично для него: чувствуя угрозу со стороны внешнего мира, он погружался в себя.

5. Шуман долго раздумывал, соглашаться ему или нет на место в Дюссельдорфе. Он не очень хотел туда ехать ещё и потому, что там находился сумасшедший дом. Может быть, Шуман обладал пророческим даром?

Ещё одно пророчество...

Почти десять лет Шуман не писал ни строчки для своего старого журнала, но за несколько месяцев до отправки в лечебницу он неожиданно написал в журнал статью. Статья была про его нового друга Брамса, которого Шуман превозносил до небес. Он заявил, что колыбель Брамса охраняли «грации и герои» (это, во всяком случае, позволило сэкономить деньги на няньках). Брамсу было приятно, но и крайне неловко — большинство его соперников-композиторов вспыхнули к нему завистью и презрением. Впрочем, несмотря ни на что, статья принесла Брамсу известность. Как будто Шуман знал, что скоро покинет музыкальный мир, и хотел пригласить Брамса занять его место.

6. Менее чем за год до окончательной катастрофы у Шумана появилась навязчивая идея о том, что его стол обладает волшебными свойствами. Он уверял, что стол, если его хорошенько попросить, может отбить ритм знаменитого вступления Пятой симфонии Бетховена и способен отгадать загаданное Шуманом число. Странно...

Но не более странно, чем то...

...что случилось через восемьдесят лет после смерти Шумана. Одним из последних сочинений Шумана был скрипичный концерт, который он написал для Иоахима. После смерти мужа Клара решила, что это слабое произведение и публиковать его не стоит. (Она невзлюбила многие последние произведения Шумана, включая пять романсов для виолончели и фортепиано, которые безвозвратно утрачены, ибо Клара сожгла единственную копию. Р-р-рр-рррррррррррр...)

Итак, она отдала рукопись скрипичного концерта в Берлинскую библиотеку, строго-настрога запретив кому-либо к ней прикоснуться раньше, чем через сто лет после смерти Шумана (то есть до 1956 года). Однако в начале тридцатых годов двадцатого века известная венгерская скрипачка и внучатая племянница Иоахима принимала участие в спиритическом сеансе (очень странном мероприятии, во время которого, как говорят, можно по буквам — буква за буквой — получать сообщения от духов умерших). Вдруг появилось послание: скрипачка должна отыскать неопубликованный скрипичный концерт, сочинённый вещающим духом. «Как вас зовут?» — испуганно спросила скрипачка. «Роберт Шуман», — пришёл ответ. После этого (и отчасти благодаря спиритическому сеансу) в Берлинской библиотеке нашли скрипичный концерт Шумана. Всё это очень странно, и я не знаю, насколько правдива сверхъестественная часть этой истории, — возможно, какие-то люди уже знали о существовании концерта и каким-то образом сумели подшутить над скрипачкой, — однако она искренне верила

в то, что с ней вступил в контакт дух Шумана. Вообще-то красивая история.

7. Клара пережила Шумана на сорок лет и до глубокой старости давала концерты (в основном она исполняла произведения Шумана — во всяком случае, его ранние сочинения). Однако замуж она так никогда и не вышла, а на концертах всегда выступала в чёрном.

А дети...

Когда Шуман покинул свой дом, дети потеряли не только отца, но и мать, поскольку Клара стала почти непрерывно разъезжать. Вскоре детей ещё и разлучили друг с другом; у них была тяжёлая жизнь. К сожалению, все мальчики умерли довольно рано — самый старший, Людвиг, тоже закончил свои дни в клинике для душевнобольных, покинутый всеми, как и его отец, только это тянулось гораздо дольше. Тем не менее две из трёх его сестёр благополучно дожили до глубокой старости, так что в этой истории есть и радостные моменты. Прошу прощения за весь этот беспросветный мрак. Следующая глава будет повеселее, честное слово...

Иоганнес Брамс 1833—1897

С детским лицом? И пухлыми щёчками? Тепличное растение? Гм... Так да не так. Пятидесятилетний Брамс был совершенно не похож на Брамса двадцатилетнего — по крайней мере внешне. Давайте пойдём вслед за ним по той же самой венской улочке (где он жил в последние тридцать лет), где пару глав назад мы видели Бетховена. Вот он, Брамс, топает вперёд — топ, топ, топ. Все вокруг на него смотрят, ведь он знаменит, и люди узнают его — но поскорее отводят глаза, ибо у Брамса суровый нрав и он не любит, когда на него пялятся. Чтобы не отстать от Брамса, нам придётся поторопиться, поскольку шаг у него широкий. Правда, мы сможем немного перевести дух, когда он доберётся до своей двери, — Брамсу нужно вытащить ключи из кармана пальто, а это не так просто: несмотря на атлетическое сложение, он (мягко говоря) несколько бочкообразен и ему, наверное, трудно через живот дотянуться короткой толстой рукой до кармана пальто. Наконец он заходит в квартиру и топает через спальню в кабинет — именно здесь Брамс работает. Тут он оборачивается и смотрит на нас. Его пронзительные голубые глаза полны подозрения. (Ничего удивительного, ведь мы вслед за ним вошли к нему в дом безо всякого приглашения.) Однако мы обращаем внимание не только на его глаза. У Брамса есть нечто куда более удивительное: это борода. Не борода, а бородища. Густая седая борода появилась, когда Брамсу было сорок пять лет. Его борода производила такое сильное впечатление — по крайней мере, в сочетании с остальной частью головы, — что портрет Брамса даже поместили в детской книжке по географии в качестве образца того, как выглядел (или мог выглядеть) в старину представитель северогерманских племён. Борода настолько изменила его внешность, что, отрастив её, он однажды целый вечер беседовал с приятелем, и тот его не узнал. Борода была настолько пышной, что в ней можно было спрятать целое семейство хомячков, и никто бы ничего не заметил (конечно, за исключением Брамса и хомячков).

Могу поспорить, что она была вдобавок колючей, ибо к тому времени Брамс сам стал довольно колючей личностью. (Неудивительно, что его любимый ресоран назывался «Красный ёж».) Брамс, скорее всего, резко спросил бы нас, что нам надо, — очень странным голосом, охрипшим от крика и напряжения, поскольку в молодости он изо всех сил старался сделать его более низким. Наша встреча могла бы оказаться очень

непростой. Брамс не любил гостей; когда кто-нибудь к нему приходил, он часто прятался в дальней комнате и притворялся, будто его нет дома. То, что мы с вами увязались за ним, ему вряд ли понравилось бы. Однако по отношению к вам после нескольких мгновений неловкости его сердце оттаяло бы: Брамс любил детей и обычно за ним по улице шла целая ватага ребятишек — в основном из-за его привычки раздавать лакомства. Иногда он поднимал руку с конфетами вверх и давал приз тому, кто выше всех подпрыгнет. Порой он покупал сласти, с виду похожие на камешки, и неожиданно, ни слова не говоря, запихивал их своим юным друзьям в рот, приводя детей сначала в ужас, а затем в восторг. Так что с вами, скорее всего, ничего не случится. Однако со взрослыми он вёл себя совсем по-другому. Если кто-то попадал в беду, или когда-то от всей души помог Брамсу, или просто ему понравился, тогда он мог быть добрым, заботливым и очень милым — в общем, настоящим другом. Но если ему казалось, что кто-то важничает или с видом знатока рассуждает о том, в чём ничего не смыслит, или же просто ведёт светскую пустую болтовню, — тогда горе ему! Если к Брамсу подходила важная, разодетая в пух и рах светская дама и начинала жеманно щебетать о том, как ей понравилась его музыка, он мог с большим сарказмом спросить её, в каком именно месте она ей понравилась — под её голубой шалью, под птичкой на шляпке или где-то ещё? Дама ретировалась, сгорая от стыда и унижения.

Брамс презирал светские обеды и, если вообще соглашался на них присутствовать, вёл себя подчас отвратительно. По Вене гуляла такая история (выдуманная, но вполне правдивая по духу). Однажды Брамс посетил изысканный вечер, устроенный одной дамой из высшего общества, и вёл себя настолько вызывающе, что вся компания никак не могла дождаться, когда же он наконец уйдёт. Несчастливая хозяйка пошла его провожать, и напоследок Брамс рявкнул: «Если сегодня вечером я кого-то не оскорбил, пожалуйста, принесите ему мои извинения!»

К счастью, ни мои лучшие друзья, ни мои злейшие враги не могут сказать, что я похож на подобную даму из высшего общества, так что в меня он, вероятно, не стал бы метать громы и молнии. А если бы я сумел совершенно искренне рассказать Брамсу, как его музыка трогает меня, и если бы он поверил каждому моему слову, он, возможно, засиял бы от удовольствия. И если бы я ему по-настоящему понравился, Брамс угостил бы меня одной из своих сигар похуже. (На самом деле это не важно, потому что я бы всё равно отказался — ну и гадость!) Возможно, он предложил бы сварить для нас кофе в своей кофеварке, которой очень гордился. Это был бы чистый, крепкий кофе со свежими (не кипячёнными) сливками. Как-

тораз в ресторане Брамсу подали кофе, смешанный с цикорием (это такой корень, который дешевле кофейных зёрен; и, если его заварить как кофе, получается неплохая подделка). Брамс вызвал владелицу ресторана. «Скажите, — промурлыкал он, — у вас случайно нет цикория?» Дама ответила, что есть. «Удивительно! — сказал Брамс. — Можно мне на него взглянуть?» Хозяйка вынесла ему два пакетика с цикорием. «И это всё, что у вас есть?» — разочарованно спросил Брамс. Дама с сожалением сказала, что больше цикория у неё нет. «Отлично, — радостно воскликнул Брамс, запихивая оба пакетика себе в карман. — А теперь, будьте любезны, приготовьте-ка нам настоящий кофе!»

Однако я бы действительно расположил его к себе, если бы сказал, что беден (ибо, вместо того чтобы зарабатывать деньги, я, к примеру, сочиняю книгу о композиторах). Брамс, возможно, дал бы мне всю необходимую сумму денег, — только если я никому об этом не расскажу. Он был первым композитором, который разбогател от продажи собственной музыки, никогда не работал на заказ и просто не знал, что делать со своими деньгами. Он отсылал большие суммы либо Кларе Шуман, либо своему издателю и просил, чтобы они их за него куда-нибудь вложили. Кроме того, немалые суммы Брамс просто раздавал — своим родственникам, молодым музыкантам, музыкальным организациям или благотворительным обществам. Или тем, кто находился в крайней нужде. Одна из странностей Брамса заключалась в том, что он не хотел, чтобы люди знали, какой он добрый, сердечный и щедрый. Он и вправду был немного похож на ежа — снаружи колючки, а внутри прячется мягкий зверёк. С молодыми композиторами Брамс нередко бывал совершенно беспощаден — они, мол, не знают, что делают, и пусть даже не надеются стать композиторами, — но затем он предлагал им материальную поддержку, избавляя от необходимости искать работу и давая возможность посвятить себя изучению композиции.

Иногда по части колючек Брамс заходил слишком далеко. Как-то раз на Рождество он был в гостях в одной семье и шутки ради сказал детям, что Дед Мороз простудился и в этом году не сможет принести подарки. Дети разрыдались и не поверили Брамсу, когда тот стал их уверять, что пошутил. Он до смерти перепугался и побежал к матери ребятишек, умоляя помочь ему успокоить малышку. К счастью, эту историю скоро позабыли, а вот другую — нет: Брамс устроил такой жестокий разнос одному чувствительному молодому композитору, что бедняга повредился рассудком и разъезжал по Вене на трамвае, крича: «Спасайтесь! Спасайтесь! Брамс заложил в вагон динамит!» Его забрали в

психиатрическую больницу, и он так и не поправился. (Ужасно. Я уверен, что даже Брамсу, который очень редко чувствовал себя виноватым, было скверно на душе от этой истории. Он, наверное, просто хотел помочь, но забыл, что у некоторых людей аллергия на ежовые колючки.) В другой раз некий композитор сыграл Брамсу своё новое произведение, надеясь на похвалу или, по крайней мере, на конструктивную критику. Когда он кончил играть, воцарилось молчание, затем Брамс встал, взял ноты и сделал одно-единственное замечание: «Какая чудесная писчая бумага!» Несмотря на всю свою язвительность, Брамс не был намеренно жесток — просто сочинение музыки являлось для него священной обязанностью, и он просто не мог слушать плозую музыку. Но, если ему по-настоящему нравилась чья-либо музыка, он старался сделать всё, что было в его силах, — например, помогал её публиковать и исполнять. Надо сказать, Брамс крайне критично относился и к самому себе. Он без конца работал над каждым своим произведением, но почти никогда не чувствовал удовлетворения от полученного результата. Брамс сочинил по меньшей мере двадцать скрипичных квартетов, но опубликовал всего три из них, а остальные сжёг. Он вообще уничтожил больше половины своих сочинений! Брамс не понимал, почему Моцарт мог сидеть в ресторане или в шумной компании и сочинять великую музыку, тогда как ему приходится биться над каждой нотой. Это казалось так несправедливо!

Я уверен, что он завидовал и счастливой семейной жизни Моцарта. Брамс никогда не был женат; несколько раз он чуть не женился. Однако в последнюю минуту (или чуть раньше) всегда успевал увильнуть. (Ежи умеют вилять?) После кончины Шумана он мог бы, наверное, жениться на Кларе Шуман, но этого не произошло. Возможно, болезнь и смерть Шумана отбрасывали слишком мрачную тень на их отношения. Потом Брамс влюбился в прелестную молодую девушку по имени Агата и даже подарил ей обручальное кольцо. Правда, тогда ему ещё не слишком сопутствовал успех, и он решил, что ему совсем не хочется, вернувшись домой после очередного провала, читать на лице жены жалость, — и он разорвал помолвку! Очень странное поведение, но таков был Брамс. В другой раз он решил сделать одной девушке предложение под Рождество и пошел к ней домой; там он узнал, что всего пару часов назад она приняла предложение другого поклонника. Потом Брамс влюбился в дочь Шумана Юлию (могу поспорить, что Клара была не в восторге) и чуть не умер с горя, когда Юлия вышла замуж за итальянского аристократа. И так далее — любовная жизнь Брамса не удалась, но, я думаю, главная причина была в том, что он просто боялся подпустить кого-нибудь близко к своему

внутреннему «Я», — Брамс не хотел, чтобы кто-нибудь пробрался сквозь его колючки!

Даже дружить с ним было совсем не просто. Брамс был близок с Кларой Шуман до самой её смерти и однажды на Рождество сказал ей, что любит её больше всех на свете, гораздо больше, чем самого себя. Несмотря на это, они всё время ужасно цапались и порой по несколько лет пререкались из-за сущих пустяков. Потом они неизбежно целовались и снова мирились (уже без поцелуев). Брамс ссорился со своими друзьями из-за музыки, из-за политики, из-за их личной жизни — это часто губило дружбу. Он что думал, то и говорил — почему бы и нет? Всё правильно, только иногда люди принимали это слишком близко к сердцу. Да, нелегко было дружить с Брамсом, но тут имелись и свои положительные стороны. В хорошем настроении это был сердечный, остроумный и нежный человек, а если он от души сочувствовал кому-то из друзей, попавших в беду, то мог для них разбиться в лепёшку. Несмотря на все колючки, ворчания и обиды, у Брамса было большое, нежное сердце. Жаль, что у него не было ни жены, ни детей, на которых он мог бы излить всю свою нежность.

Выходит, Брамс был несчастным, угрюмым человеком, который пожертвовал всей своей жизнью ради музыки? Думаю, что нет. Несмотря на все его причитания и жалобы на одиночество, вокруг него всегда собиралась компания, где бы он ни находился, будь то Вена или маленькие провинциальные городки, куда он уезжал на лето. Брамс любил сидеть в ресторане под открытым небом и слушать, как цыгане играют на скрипках свои искромётные мелодии или как танцевальные оркестры исполняют грациозные венские вальсы. Или же он сидел в пивном зале, поглощая в огромном количестве пиво (что было вовсе не на пользу его фигуре), поучая восторженных молодых музыкантов жизни и слушая, как бурно они смеются его шуткам. Правда, в конце вечера он в одиночестве катил к себе домой, но, по крайней мере, всегда знал, что его сочинения пользуются любовью и ценятся в музыкальном мире. И наверное, хорошо, что, когда он ложился спать, рядом с ним не было жены — его храп свёл бы её с ума, и тогда у него в самом деле был бы повод для жалоб и причитаний.

Музыка

Как я уже говорил, Брамс без конца работал над своими произведениями, а большую часть написанного вообще уничтожил. Его посещала идея, он раздумывал над ней во время долгих сельских прогулок (как Бетховен), изучая её со всех возможных сторон, и только потом наконец записывал. Затем Брамс приступал к работе над тем, что записал: улучшал, поправлял — тут-то и начинались подлинные мучения. В конце

концов он отправлял законченную пьесу другу, мнению которого доверял, с запиской, что это очень плохая пьеса. Если друг делал замечания, Брамс иногда принимал их, иногда нет. Но всё равно снова что-то доделывал и переделывал. Только будучи уверен, что проработал пьесу вдоль и поперёк, и по возможности представив её публике, Брамс наконец-то отправлял рукопись издателю, обычно опять-таки с сопроводительной запиской, что издавать её не стоит.

Итак, мы можем вполне уверенно сказать, что сочинение музыки для ежа по имени Брамс было не таким уж лёгким занятием. Он обожал музыку великих мастеров прошлого — Баха, Моцарта, Бетховена и других композиторов, и почти все его сочинения написаны в формах более раннего времени: симфонии, сонаты, концерты, квартеты и т. д. (кроме оперы — он не написал ни одной). Брамс считал, что гении прошлого воспользовались всеми лучшими идеями и ему никогда не сравняться с ними. Он же взял их музыку за образец — разве это не лучший способ чему-либо научиться? (Конечно, Брамс невысоко ценил собственную музыку; но музыку большинства других композиторов, своих современников, он ценил ещё меньше!) Таким образом, музыка Брамса продолжает идеи его великих предшественников. Кое-кто из современников Брамса, вовсю старавшихся избавиться от прежних форм и создать свои собственные, новые, считал, что он старомоден и просто пытается переделывать старую музыку. Это не так! Величайшее достижение Брамса состояло в том, что он взял старые формы и превратил их в живые, яркие, свежие творения.

Брамс писал музыку в самых разных настроениях. Порой, слушая его произведения, так и видишь, как он безмятежно отдыхает, держа в руке кружку пива и внимая звукам цыганского оркестра. (На основе цыганских мелодий Брамс написал «Венгерские танцы»; буйным цыганским духом нередко пронизаны и его более крупные сочинения.) В других случаях перед нами раскрываются мрачные и трагические стороны его натуры. Например, в некоторых быстрых частях его произведений, которые называются скерцо (первоначальное значение «шутка» — та ещё шутка!), явственно слышится, как по дремучему лесу носятся черти (жуть!). В его музыке есть также бурные моря и роскошные закаты, любовные песни и изящные танцы и т. д., и т. д. Что же их объединяет, что заставляет воспринимать их как произведения одного композитора? Богатство звучания, глубокая и величественная красота (кстати, как правило, вовсе не колючая); это и есть музыкальный голос Брамса, и только Брамса! Если я включаю радио, не зная заранее, что прозвучит, его музыку мне узнать легко: она льётся, увлекает меня за собой, и не даёт выключить приемник —

очень неудобно, если я спешу! Однако стоит всё же задержаться и послушать...

Что слушать. Поскольку Брамс разорвал всё, что ему не нравилось, его плохих или незначительных сочинений сегодня просто нет. (Многие «Венгерские танцы» и другие короткие пьесы — лёгкие и весёлые, но вовсе не незначительные: ведь веселиться очень важно!) Однако самые великие свои сочинения Брамс, по-видимому, написал тогда, когда бывал охвачен очень сильными душевными переживаниями, но, будучи человеком-ежом, мог выразить свои чувства только через музыку. Например, Первый фортепианный концерт был написан после смерти Шумана — он звучит как крик измученной души. Я помню, как впервые услышал этот концерт: во вступлении при грохоте литавр (такой барабан) я подскочил на несколько сантиметров. В первой части концерта звучит настоящая боль, и только в медленной, похожей на молитву второй части мы словно чувствуем, как дух Шумана обретает покой. Послушайте также скрипичный концерт — это совсем другое дело. Там есть несколько самых красивых мелодий, когда-либо написанных Брамсом, а в разухабистой последней части много ритмов в цыганском духе.

«Немецкий реквием» Брамса абсолютно великолепен — это нежная, трогательная элегия, которую он написал после смерти матери. Есть ещё и симфонии: прежде чем решиться написать свою Первую симфонию, Брамс как минимум двадцать лет вынашивал её замысел. Однако её стоило подождать. У этой симфонии величественное, мрачное начало — тоже с грохотом литавр, — которое как бы провозглашает рождение нового, удивительного мира. Самой известной симфонией Брамса является, наверное, последняя — Четвёртая. Она начинается с великолепной мелодии, которую вы, может быть, полюбите слушать по утрам. С ней вам будет даже легче просыпаться! Другое мое любимое сочинение — кларнетный квинтет ор. 115. Это одна из последних работ Брамса, и, когда я слушаю его, я представляю, как догорают угли в тлеющем костре, а вокруг сидят мудрые старые цыгане и рассказывают свои дикие печальные сказки. Однако всё это довольно длинные вещи. Если вам захочется послушать какой-нибудь короткий шедевр Брамса, возьмите знаменитую «Колыбельную». Вы можете обнаружить, что знаете её, — ведь она звучит повсюду: в аранжировках для всевозможных инструментов, в музыкальных шкатулках, в действующем на нервы неистовом трезвоне мобильных телефонов — Брамс не виноват! Во всяком случае, эту мелодию стоит запомнить. И если в вашей голове должен непременно вертеться какой-нибудь мотив, пусть это будет хороший мотив. Как бы то ни было, в музыке

Брамса трудно ошибиться с выбором; как я уже говорил, по-настоящему слабых произведений у него нет. Слушайте столько сочинений, длинных или коротких, сколько захотите — просто позвольте себе в них влюбиться!

Кое-что из биографии

1. Брамс родился в 1833 году на севере Германии, в городе Гамбурге. И он был настоящим гамбуржцем (или «гамбургером», учитывая его телосложение)! Его родители представляли собой довольно странную пару и не были похожи на родителей великого артиста. Прежде всего, ни один из них не получил приличного образования. Диву даёшься, откуда у Брамса появились такие амбиции и такая тяга к знаниям — настоящий гений-самоучка. Мать Брамса Христиана, осторожная и застенчивая женщина, была на семнадцать лет старше его отца Иоганна Якоба. Он же был человек общительный, дамский угодник, а также, по всей видимости, немного себе на уме. Когда они поженились, Христиане исполнился сорок один год, но она смогла родить ему троих детей — Иоганнеса, Элизу и Фрица (очень впечатляет!). Однако Иоганн Якоб и Христиана не были по-настоящему счастливы вместе. Свободный музыкант, он зарабатывал хорошие деньги игрой на разных музыкальных инструментах. Правда, стоило ему хоть что-то заработать, он тут же тратил это на покупку новых инструментов — к вящему неудовольствию Христианы. Чтобы семья могла достойно жить, ей приходилось работать белошвейкой. В конце концов, когда все дети давно уже выросли, Иоганн Якоб и Христиана расстались. Брамс, которому в то время был тридцать один год, ужасно расстроился и безуспешно пытался примирить родителей.

Гордые родители...

На фотографии матери Брамса, сделанной за три года до её смерти, мы видим улыбающуюся старушку, явно надевшую для съёмки свое лучшее платье. У нее не всё в порядке (вернее, совсем плохо) с зубами, однако сразу видно, что сердце у неё очень доброе. Она обожала Брамса, а он её. Но Брамс точно так же любил своего негодника-отца. Иоганн Якоб, со своей стороны, должно быть, чрезвычайно гордился сыном; правда, проявлял он это довольно своеобразно. После одного из величайших триумфов Брамса — первого исполнения его Реквиема — кто-то спросил Иоганна Якоба, что он об этом думает. «Звучало неплохо», — ответил он равнодушно, беря понюшку табаку. Что за бесчувственный тип...

2. Сестра Брамса Элиза была весьма хрупкой особой. Когда она вышла замуж, причём довольно поздно, Брамс предсказывал всяческие несчастья и сетовал, зачем она вообще это сделала, — ведь он, как он ни с того ни с сего заявил, ради Элизы остался холостяком! Мягко говоря, престранное

заявление. Однако брак Элизы оказался счастливым, и Брамс в конце концов с ним смирился. Но гораздо больше он радовался второму браку отца. Брамс обожал свою мачеху и после смерти отца продолжал оказывать ей и её сыну от предыдущего брака (то есть приёмному сыну отца Брамса — кем же он приходился самому Брамсу?) щедрую поддержку. Брамс всегда снабжал деньгами членов своей семьи, даже Фрица...

«Не тот» брат...

Фриц и Иоганнес не очень-то ладили. Фриц был, наверное, одним из самых невезучих персонажей за всю историю музыки. Он стремился к карьере пианиста и даже обрёл изрядную известность как педагог, но все его достижения меркли рядом со славой и успехом брата. В Гамбурге Фриц был известен под милым именем «Не тот Брамс», разве это не ужасно? Неудивительно, что он хотел укрыться как можно дальше и подался в Венесуэлу (это в Южной Америке) преподавать игру на фортепиано. Однако из этого тоже ничего не вышло, и через пару лет Фрицу пришлось вернуться домой, в Гамбург. Он пытался сделать карьеру здесь и выступал с концертами, играя некоторые самые сложные фортепианные сочинения брата, но, по-видимому, без особого успеха. Брамс злился на Фрица за то, что он не помогает родителям и сестре, и в конце концов они почти перестали разговаривать друг с другом. Фриц, возможно, был безответственным и, скорее всего, довольно неприятным человеком. Но кто бы не был таким, если бы его называли «Не тот Брамс»? Удивляюсь, как это он вообще не начал палить из ружья направо и налево.

3. Ранние годы Брамса внешне выглядят вполне безмятежно. Он с азартом учился играть на фортепиано, а также немного на виолончели и валторне, зарабатывал деньги, исполняя танцевальную музыку, начал сочинять и приходил в отчаяние от того, что застрял в Гамбурге, прозябая в полной неизвестности. Брамсу представилась возможность отправиться в путешествие, что привело к знакомству с Шуманом и появлению статьи Шумана, превозносившей его до небес. Вообще-то небеса им особенно не заинтересовались, в отличие от любителей музыки по всей Германии. Брамс вдруг стал знаменит — и от него ждали великой музыки. Такое напряжение, плюс потрясение и ужас из-за болезни и смерти Шумана, плюс ещё и довольно неловкая ситуация, в которой он оказался, безумно влюбившись в жену Шумана, — всё это плохо на нём отразилось. Брамс внезапно понял, что больше не может сочинять!

Любовные письма...

После того как Шумана забрали в лечебницу в Энденихе, Брамс большую часть времени проводил в доме Шуманов, присматривая за

детьми, а Клара в это время разъезжала с концертами. Разбирая богатейшую музыкальную библиотеку Шумана, Брамс знакомился с разной музыкой и изучал искусство композиции. А ещё он писал страстные письма Кларе. Позже они вернули эти письма друг другу и договорились их сжечь. (Брамс любил огонь.) Клара уничтожила множество своих писем к нему, включая все те, что она писала, когда Брамс был в неё влюблён (а она в него? Мы никогда в точности не узнаем, но я уверен, что так оно и было). Однако каким-то образом большая часть его излияний сохранилась, даже самых страстных. Если бы Брамс узнал, что мы сегодня можем их читать, он пришёл бы в ярость. В конце жизни Брамс постарался сжечь все письма, как адресованные ему, так и написанные им самим, просто чтобы люди в будущем не смогли ничего написать о его любви к разным женщинам, его ключевом отношении к друзьям и прочем, — вот об этом-то я сейчас и пишу! Извините за беспокойство, господин Ёж. Дело в том, что вы были слишком интересной персоной...

4. В конце концов Брамс решил, что должен зарабатывать себе на жизнь, ему следует отдалиться от Клары, прежде чем умрёт от любви к ней или женится на ней (и та, и другая перспективы были ужасны). Поэтому он вернулся в Гамбург, где наконец-то снова обрёл способность сочинять. Однако его музыка изменилась. Пьесы, которые Брамс показывал Шуману, были бурными, свободными, обладали современным звучанием. После тяжёлого творческого кризиса он понял, что вернуться к сочинительству ему помогли занятия в библиотеке Шумана. Впредь он будет опираться на прошлое! Музыка Брамса стала более сдержанной, более уравновешенной — и больше похожей на классические произведения старых мастеров. Он уже не отдавался странным идеям так, как раньше. Конечно, его музыка была по-прежнему полна эмоций, но все его странные фантазии теперь трансформировались в добропорядочные истории.

Хита не получилось...

В 1858 году Брамс наконец-то был готов представить публике большое сочинение — свой Первый фортепианный концерт. Это одно из самых бурных и неистовых произведений Брамса. Первое исполнение в Ганновере прошло хорошо, и Брамс лелеял большие надежды на следующее, которое должно было состояться во влиятельном городе Лейпциге. Но здесь, играя, он постепенно начал понимать, что публике его сочинение совсем не нравится. В конце он встал и повернулся к зрительному залу: три человека пытались было хлопнуть, но их попытки сразу же потонули в свистках и вое. Не совсем тот успех, на который надеялся Брамс.

5. Итак, Брамс снова стал писать музыку. Он понимал, однако:

сочинительством много не заработаешь (особенно после провала в Лейпциге). Тогда он начал выступать как пианист, а также давать уроки. Кроме того, Брамс дирижировал женским хором и получал от этого занятия большое удовольствие — целая группа прелестных молоденьких девушек смотрела на него во все глаза, а он ими дирижировал. Иногда они репетировали на открытом воздухе, и как-то раз Брамс дирижировал хором сверху, сидя на дереве! То-то, наверное, всем было весело (пожалуй, кроме дерева).

Не прирождённый исполнитель...

Брамс не был прирождённым исполнителем. Ему не нравилось давать концерты: он не любил публику и очень нервничал. Кроме того, Брамсу совсем не нравилось упражняться на фортепиано, и его приходилось заставлять. Когда он гостил у Шуманов, их старшая дочь Мари сразу после завтрака строгим тоном отправляла Брамса играть гаммы. В более поздние годы Брамс во время игры производил очень много шума, сопя и стельная без удержу.

Однажды его приятель оказался за дверью комнаты, в которой Брамс что-то сочинял за фортепиано. Слыша бесконечные завывания и поскуливания, которые сопровождали музыку, приятель с изумлением подумал, что Брамс, наверное, завёл собаку. В конце концов дверь открылась и вышел — нет, не пёс, а смущённый Брамс, очень недовольный тем, что кто-то подслушал его собачьи излияния. (Кстати, у Брамса никогда не было собаки, но он дружил с одной собакой — шотландским терьером по кличке Аргос. Хозяином Аргоса был швейцарский товарищ Брамса. Однажды в непогоду он потерял бедную собачку на вершине горы и вернулся домой один, очень расстроенный. Через три дня, когда Брамс был у него в гостях и, вероятно, пытался утешить, они услышали, как кто-то скребётся в дверь, там стоял ликующий Аргос, который непонятно каким образом нашёл дорогу домой! Брамс и его друг были потрясены.)

6. Хотя у Брамса были комнаты в Гамбурге, он всё чаще уезжал из города, особенно после того как Гамбургский филармонический оркестр отказался назначить его своим главным дирижёром. Брамс объездил с концертами всю Германию и Швейцарию, выступая как исполнитель и дирижёр со своими произведениями и музыкой других авторов. Однако в конце концов нужно было где-то осесть, и в 1869 году Брамс выбрал Вену, город, в котором жило так много великих композиторов. Он даже согласился занять пост дирижёра одного из главных музыкальных обществ и в этом качестве познакомил публику со многими старыми, забытыми шедеврами, но через три года отказался от этого места — Брамс не хотел

ни к чему и ни к кому привязываться. И всё же он оставался жить в Вене до конца своих дней и снимал там скромную квартиру с прекрасным видом на Карлскірхе — великолепную старинную церковь. Оживлённый город с его насыщенной музыкальной жизнью и волнующим смешением различных национальностей подходил Брамсу во всех отношениях.

Хотя его домом теперь была Вена...

...Брамс проводил лето в деревне, в Германии, Австрии или Швейцарии. (Он также несколько раз ездил отдыхать в Италию, которую очень любил, но обычно предпочитал страны, где говорили на немецком языке, — отношения Брамса с иностранными языками были безнадёжными!) Большая часть его произведений написана как раз в эти летние месяцы — он бродил по полям и лесам, обдумывая новые композиции. Однако если ему была нужна компания, он всегда прихватывал с собой друзей. Он таскал их за собой куда вздумается — Брамсу никто не мог отказать! Иногда он заставлял их карабкаться вместе с ним на горные вершины — довольно неподходящее занятие для человека его комплекции (во всяком случае, на склоне лет). Обычно, поднимаясь наверх, он пыхтел и ворчал, как глупо с его стороны этим заниматься, но спуск вниз приводил его в более благодушное настроение, поскольку хорошая еда и питьё становились всё ближе и ближе...

7. С годами Брамс почувствовал, что его музыка выходит из моды, что молодые «модные» композиторы сбились с пути и разрушают будущее музыки. Многие из них находились под влиянием великого соперника Брамса Рихарда Вагнера, который сочинял огромные оперы на основе старинных немецких легенд. Вагнер был весьма неприятной личностью, но великим композитором, и его идеи игнорировать было невозможно.

Брамсу нравились некоторые композиторы. Особенно он любил Иоганна Штрауса, «короля вальса», написавшего знаменитый вальс «Голубой Дунай» и ещё массу другой очаровательной музыки, и Дворжака — удивительного, почти по-детски непосредственного чешского композитора, которого Брамс, собственно, и прославил. (Брамс даже просматривал новые произведения Дворжака перед отправкой в типографию, чтобы там не было ошибок, когда Дворжак был в отъезде и не мог этого сделать сам, — вот какую любезность композитор может оказать другому композитору.) Что же касается самого Брамса, то в пятьдесят семь лет он решил, что уже написал своё последнее сочинение и пришла пора уйти на покой. К счастью, потом его снова посетило вдохновение и Брамс не смог ему воспротивиться. Отчасти в этом был виноват один превосходный кларнетист, для которого Брамс сочинил четыре больших

произведения. Существует также несколько удивительных поздних фортепианных пьес Брамса, исследующих новые миры, и его последнее значительное сочинение «Четыре строгих напева», каждый из которых посвящён теме смерти. Не самая весёлая музыка, но мудрая и прекрасная. Брамс в записи...

Во многом старомодный и консервативный, Брамс тем не менее восторженно относился к некоторым новым изобретениям, например к электрическому освещению и фотографии. (Однако он не любил велосипеды: считал их слишком быстрыми и слишком шумными!) Он даже испробовал одно изобретение — это было примитивное звукозаписывающее устройство, созданное великим Томасом Эдисоном. Оно сохранилось до сих пор и представляет собой восковой цилиндр (очень древняя разновидность музыкального диска), на котором сперва кто-то что-то невнятно бормочет, а потом вдруг раздаётся высокий голос, который говорит: «Я доктор Брамс! Иоганнес Брамс!» (Во всяком случае, так слышится. Довольно трудно точно определить, что говорится или кто говорит.) Затем раздаётся шипение и скрежет и звучит расстроенное фортепиано, расслышать которое можно лишь отчасти. По-видимому, это Брамс играет свой «Венгерский танец № 1». Музыка почти не слышно, но всё равно запись зачаровывает.

8. Смерть Клары Шуман в 1896 году стала для Брамса тяжёлым ударом. Он потерял своего самого близкого друга и, наверное, чувствовал, что вскоре последует за Кларой. Мало того: спеша на похороны, он дважды сел не на тот поезд, из-за чего добирался до места более сорока часов и в конце концов прибыл, измученный и отчаявшийся, когда похороны уже начались.

Возрождённая дружба...

Другой его старинный друг, Йозеф Иоахим (тот самый, что познакомил его с Шуманами), пережил Брамса, но их дружба зачахла много раньше. Брамса всегда раздражало то, что Иоахим вечно озабочен искренностью его отношения: действительно ли Брамс его любит. Ежам не нравится, когда им задают подобные вопросы! Однако полный разрыв произошёл, когда Иоахим хотел получить развод, а госпожа Иоахим была против, и Брамс встал на её сторону. Брамс и Иоахим не разговаривали друг с другом несколько лет, тем не менее последний продолжал исполнять музыку Брамса. В конце концов Брамс нарушил молчание, написав двойной концерт для скрипки, виолончели и оркестра. В нём содержалось несколько маленьких посланий Иоахиму — цитировались одна из его самых любимых пьес, несколько раз использовался музыкальный девиз Иоахима

«F.A.E.» (что расшифровывается как «Frei Aber Einsam» — «Свободный, но одинокий»), а звуковые перебранки между скрипкой и виолончелью завершались весёлым (музыкальным) примирением. Иоахим не смог устоять, и они возобновили дружбу, хотя теперь, пожалуй, были не столь близки, как раньше. Иоахим, возможно, порой бывал невыносим, но ведь и Брамс тоже! Когда у Иоахима родился сын, Брамс написал ему «поздравительное» письмо, в котором высказал сожаление, что теперь слишком поздно желать малышу наивысшего счастья — а именно вообще не родиться на свет. Нечего сказать, чудный способ нести радость и веселье...

9. Вскоре после кончины Клары Брамс сам стал похож на больного. Кожа у него пожелтела, потом почти позеленела. Он начал терять в весе, хотя и отрицал это, — дескать, одежда всё так же хорошо на нём сидит. В действительности же, когда Брамс спал, к нему прокрадывалась хозяйка дома и тайком ушивала одежду, чтобы он не заметил, насколько похудел. Вскоре стало очевидно, что Брамс умирает (хотя сам он не воспринимал свою болезнь всерьёз). Во время исполнения Четвёртой симфонии венская публика устроила Брамсу восхитительную прощальную овацию — Брамс стоял, купаясь в аплодисментах, а по щекам у него текли слёзы. Его колючки размякли, он был трогательно мил со всеми! Брамс умер 3 апреля 1897 года. Последние слова его были обращены к другу, который подал ему стакан белого вина: «О, это было чудесно! Ты так добр». Кто бы мог подумать, что колючий ёж уйдёт так кротко? Однако тогда-то и проявился подлинный Брамс.

Тёплое прощание...

Вена устроила Брамсу роскошные похороны, полные помпезности, церемоний, музыки и речей. Брамс, наверное, сказал бы по этому поводу пару резких слов. В его комнатах нашли цикл хоральных прелюдий для органа — это была последняя музыка, над которой он работал. Последняя из прелюдий называется «O Welt, ich mus dich lassen» («О мир, я должен покинуть тебя»). Как Бах до него, Брамс подарил нам на прощанье религиозный хорал — он словно хотел сказать, что готов встретить свой конец. Естественно, что последнее «прости» Брамс решил выразить музыкой.

Игорь Стравинский 1882—1971

Ладно, признаюсь: я не очень люблю варёные яйца. Вообще-то они мне нравятся на вкус, но я не уверен, что всё это стоит таких хлопот. Во-первых, я обычно так неумело разбиваю скорлупу, что противные, скрипучие кусочки попадают в белок. Кроме того (если это яйца всмятку), я люблю окунать в них румяные хлебные тосты, но при этом желток часто перетекает через край и мне приходится его быстро-быстро вытирать, пока он не застыл. Фу... Тем не менее мне всегда приятно видеть на накрытом для завтрака столе яйцо в неразбитой скорлупе — оно напоминает мне голову Игоря Стравинского. Конечно, это забавно, поскольку Стравинский никогда не был совершенно лысым, а у яиц, как правило, нет огромных ушей, громадного носа, очков (особенно очков, сдвинутых на макушку) или усов. Однако сходство, несомненно, присутствует. Возможно, из-за того, что Стравинский был яйцеголовым (то есть интеллектуалом, что значит — чрезвычайно умным), да к тому же ещё и обладал крутым нравом и поэтому вполне заслуживал, чтобы время от времени его тюкали по голове чайной ложечкой.

Но под этой яйцевидной головой находилось тело, больше похожее на кузнечика, чем на рюмку для яйца. Стравинский был крошечного роста и настолько худой, что тела у него почти не осталось. Стравинский панически боялся простудиться и обычно ходил, укутав свое крошечное тело шарфами, свитерами, пальто и беретом (который он иногда надевал, даже ложась спать!).

Он не только был похож на насекомое, но зачастую и вёл себя соответственно: как очень аккуратное и дисциплинированное насекомое — скорее муравей, чем кузнечик. Всё свое имущество — а Стравинский накопил немало добра — он всегда аккуратно рассортировывал. Неаккуратность или неловкость (а также люди с громким голосом) приводили его в ужас. Куда бы он ни отправлялся — а Стравинский в разное время жил в самых разных местах, да ещё и путешествовал по миру, дирижируя оркестрами или играя на фортепиано, — он требовал, чтобы вокруг него всегда был порядок. Больше всего Стравинский любил свою студию, непременно звуконепроницаемую, дабы он мог сочинять за фортепиано (в которое была вставлена сурдина, чтобы приглушить звук) и не беспокоиться, что кто-то его услышит. Там Стравинского окружали его сокровища — подарки, сувениры, фотографии и прочее. Поверхность

фортепиано тоже использовалась со знанием дела: на пюпитре (подставке для ног) стояла плотная картонка — к ней он прикреплял наброски пьесы, над которой в данный момент работал, а сбоку лежали письменные принадлежности, блестящие, как хирургические инструменты, — стальные перья, карандаши, резинки, точилки, метрономы, секундомеры. Всё на своих местах, всё под контролем — Стравинский любил порядок.

Был Стравинский яйцевидным насекомым или нет, но он очень трепетно относился к своей внешности. Он прорву времени проводил перед зеркалом, а если у него на носу выскакивал прыщик, мог вообще не появляться на людях. Он также отказывался куда-либо идти (или, наоборот, отказывался остаться), если у него возникали подозрения о возможном контакте с микробами. Стоило кому-то чихнуть или кашлянуть, как Стравинский моментально испарялся. Вообще-то такая обострённая реакция была характерна для Стравинского — он обострённо реагировал на всё. Стравинского всё интересовало — и всё приводило в бешенство. Рассердить Стравинского ничего не стоило — малейшая критика его музыки вызывала у него гнев. А также любой музыкант, пропустивший хоть одно из указаний Стравинского при исполнении его музыки (или, раз уж на то пошло, любой музыкант, который за исполнение пьесы Стравинского получал больше, чем Стравинский за её сочинение). Налоги тоже доводили его до безумия. Стравинский любил деньги и поклонялся им, и при одной только мысли, что кто-то может их отнять, он приходил в неистовство. Он экономил, где только можно. Например, если Стравинский замечал, что марка на полученном им письме не проштемпелёвана, он обязательно её отклеивал и использовал снова. (Таким образом Стравинский испортил несколько писем от известных людей — сами письма были бы в тысячу раз дороже, чем марки!) Он тратил драгоценное время, сам переписывая ноты своих сочинений, вместо того чтобы заплатить переписчику. Он ломал себе голову над тем, как бы составить телеграмму так, чтобы как можно меньшим количеством слов передать как можно больше информации: лишнее слово — лишние деньги. Когда его просили написать новую пьесу или же дать концерт, Стравинский сразу же начинал действовать: перебирая в воздухе лапками (спешу заметить, что это образное выражение), он старался выудить как можно больше денег. Гм... Стравинский и вправду любил деньги. (Честно говоря, бывало, что он отчаянно в них нуждался, особенно во время и сразу после Первой мировой войны, когда композитор был отрезан от своего имущества в России, а ему нужно было кормить не только свою первую жену Екатерину и четырёх детей, но и сестру Екатерины и её семью — так много ртов!)

К слову, о жёнах: свою вторую жену Веру Стравинский любил тоже очень сильно. Она была очаровательной, красивой, живой, и к тому же одарённой художницей — и при этом терпела Стравинского с его вспышками гнева! Вера резко отличалась от серьёзной, глубоко набожной Екатерины, которая, наверное, до смерти боялась мужа. Екатерина писала ему письма, робко упрекая за пренебрежение своими религиозными обязанностями; Вера же в письмах требовала сообщить ей свежие сплетни: «Скажи мне, кто был забавным, а кто скучным». Я уверен, что Стравинский любил Екатерину и детей, но выражал это весьма странным образом. Екатерина была его двоюродной сестрой, они вместе росли. Они поженились ещё очень молодыми и задолго до того, как Стравинский стал знаменит. Когда Стравинский добился успеха, у него случилось несколько довольно шумных романов, наиболее серьёзным из которых оказался роман с Верой (кстати, она тогда состояла в браке). Поскольку Стравинский был, по сути, очень религиозным человеком, православным христианином и искренне верил и в Бога, и в чёрта (и всё время крестился), он, по-видимому, чувствовал себя очень виноватым, но тем не менее любовных походов не прекращал. Бедная Екатерина большую часть своей жизни болела и много времени проводила в санаториях. Стравинский же часто уезжал на гастроли или на какие-то встречи и нередко брал с собой Веру. И Екатерине иногда приходилось рассчитывать на Веру, чтобы получить известия о собственном муже! Кроме того, пока Стравинский в поездках купался в роскоши вместе с Верой, Екатерина порой оставалась почти без средств к существованию. Ей приходилось писать им обоим слёзные письма и умолять выслать домой деньги! Странная ситуация, если не сказать больше; причём самое странное заключалось в том, что обе женщины мирились с ней вполне безропотно и были даже (во всяком случае, с виду) подругами. В голове не укладывается, но у Стравинского и впрямь имелась одна необыкновенная способность: он мог заставить окружающих делать то, что ему хотелось. Стравинский вообще весьма откровенно использовал людей. Когда дирижёр Ансерме, благодаря которому приобрели популярность многие ранние сочинения Стравинского, прислал ему в конце 1929 года поздравление с тем, что прошедшие двенадцать месяцев оказались для композитора очень продуктивными, Стравинский ответил, что да, действительно, весь год он писал прекрасную музыку, и добавил: «Что такой эгоист, как я, может пожелать Вам (имеется в виду — на Новый Год)? Только то, чтобы Вы продолжили Вашу благородную деятельность и популяризировали мою музыку». Гм... Другие пожелали бы ему здоровья, счастья, успеха во всех

его начинаниях и т. д. — но не Стравинский. Впрочем, он хотя бы знал, что он эгоист.

Другой страстью Стравинского был алкоголь, особенно виски. Если бы у него была такая возможность, он пил бы его с утра до вечера. Как он сам говорил: «Меня нужно называть Стрависки!» В старости алкоголь действовал на него лучше любого лекарства, однако много раз бывало и по-другому. Например, однажды он должен был встретиться с великим художником Марком Шагалом и обсудить с ним возможности сотрудничества. К сожалению, перед встречей Стравинский отправился обедать и выпил столько, что, когда подошло время встречи с Шагалом, он крепко спал и его не смогли добудиться. Не странно ли, что сотрудничества не получилось! В другой раз правительство США удостоило Стравинского большой чести — устроило в его честь обед в Белом доме. Присутствовал и тогдашний президент Америки Джон Кеннеди. Стравинский напился в стельку, был вынужден воспользоваться помощью президента, чтобы добраться до мужского туалета, и с большим позором был рано отправлен домой — так, по крайней мере, пишет в своих книгах Вера. Правда, она с облегчением вздохнула, узнав, что её мужу не удалось, как он собирался, затащить президента США в укромный уголок и поинтересоваться у него, как можно уклониться от уплаты налогов. (Между прочим, когда вскоре Джона Кеннеди убили, Стравинский отправил его вдове телеграмму с соболезнованиями — но поздно вечером, чтобы воспользоваться дешёвым ночным тарифом. Вера снова ничуть не удивилась.)

Кроме того, Стравинский был одержим ещё и мыслями о собственном здоровье, и это несмотря на пристрастие к алкоголю, высококалорийной пище и табаку. (Хм... Я заметил, что все композиторы, о которых говорится в этой книге, любили алкоголь, табак и кофе. Неудивительно, что почти все они рано умерли!) Стравинский вёл подробные медицинские дневники, в которые записывал все лекарства, которые регулярно принимал, и все свои симптомы. Он был Стравинским и считал, что состояние его здоровья должно заботить окружающих ничуть не меньше, чем его самого. Даже когда Екатерина была при смерти, Стравинский писал ей длинные письма, жалуясь на своё здоровье. Правда, бывало, особенно в ранней молодости, когда он и в самом деле серьёзно болел туберкулёзом и другими болезнями, но он страдал ещё и ипохондрией. Например, как-то раз ему неожиданно позвонил один репортёр и попросил дать интервью. Стравинскому было неохота, и он, извинившись, сказался простуженным, а потом забыл, что просто выдумал простуду как предлог, и провёл остаток дня в тяжёлой хандре, уверенный, что и впрямь простудился!

Но среди всех его многочисленных увлечений, страстей и одержимостей самой главной была, конечно, музыка. Когда Стравинский совсем состарился и лежал в больнице, медсестра спросила, не хочет ли он чего-нибудь. «Я хочу работать (то есть сочинять), — ответил Стравинский. — А если я не смогу работать, то лучше умереть». Не думаю, что кто-либо из композиторов относился к своей музыке более серьёзно, чем Стравинский (хотя он и написал много легких, весёлых пьес). Стравинский был уверен в значимости каждого своего произведения. Когда его просили порекомендовать какое-то из его произведений, он отвечал: «Я рекомендую ВСЕ мои сочинения». Вся жизнь Стравинского вращалась вокруг сочинения музыки. Столь же важным было для него и исполнение собственных произведений — сначала Стравинский выступал как пианист, а затем всё больше как дирижёр и уделял этому очень много времени, особенно учитывая гастроли по всему миру. Но главные причины, почему Стравинский так много концертировал, состояли в том, что — прежде всего — это приносило больше денег, чем сочинение музыки (надо бы наоборот, скажу я вам, но дело обстояло именно так), а также позволяло показать, как нужно исполнять его произведения. Слушая свою музыку в чужом исполнении, Стравинский почти всегда впадал в ярость. (Кроме того, придя на чей-либо концерт, он рисковал услышать произведения других современных композиторов, а этого он терпеть не мог. Он, как никто другой, умел игнорировать чужие творения. Как-то раз один несчастный молодой человек сделал глупость, попросив Стравинского посмотреть его новую, только что написанную симфонию. Стравинский велел молодому человеку прийти к нему в гостиницу на следующий день. Композитор пришёл в назначенное время с симфонией в руках. «Ох, я сейчас слишком занят», — сказал Стравинский. «Когда же я смогу показать вам мою симфонию?» — спросил композитор. Стравинский заглянул в ежедневник. «Завтра — нет, на той неделе — нет. — Он просмотрел ежедневник до конца и захлопнул его. — Как насчёт никогда? Вас это устроит?» Гм... Не самая красивая история.

Да, музыка (а также, до определённой степени, и другие виды искусства: Стравинский хорошо знал и любил живопись — он сам был одарённым художником, театр, литературу, танец и так далее) была смыслом его жизни — вернее, его собственная музыка. Другие люди должны были это уяснить и, если хотели с ним дружить, должны были превратить музыку Стравинского в смысл своей жизни — иначе Стравинский потерял бы к ним всякий интерес. Да... Ещё одна не очень приятная черта. У вас создаётся нехорошее впечатление о Стравинском?

Да, он всегда был не самым симпатичным человеком. Мне Стравинский представляется блестящим хрупким насекомым с довольно смертоносным жалом. С другой стороны, он был просто обворожительным человеком — необычайно живым и умным, с головой, переполненной новыми потрясающими идеями. Часто Стравинский бывал очень забавным, порой — поразительно щедрым, а также — пожалуй, особенно с возрастом — на удивление неотразимым и очаровательным.

Из шести композиторов, о которых я рассказал в этой книге, только Стравинского мы можем увидеть в старых телевизионных фильмах, услышать в записях, и только о нём мы можем получить непосредственные свидетельства от живых людей. Поэтому давайте представим, что было бы, если бы мы пришли к нему в гости, скажем, году в 1947-м, — тогда Стравинский жил в Голливуде, ему исполнилось жизнерадостных 64 года, а Вере — кипучих 59. Однако имейте в виду, что мы не посмели бы прийти к Стравинским с визитом, не получив сперва от них приглашения. Если бы Стравинский не захотел нас видеть, он вполне мог бы сам открыть дверь и объявить нам, что его нет дома! Но если бы Стравинские нас ждали, они приняли бы нас в своём переполненном домике вполне радушно. Приди мы слишком рано, нас приветствовали бы одни только торчащие над балконом ноги Стравинского. У него был определённый распорядок дня, включавший в себя, помимо всего прочего, и гимнастические упражнения, которые он делал регулярно: «Каждое утро я пятнадцать минут молюсь, пятнадцать минут делаю зарядку, пятнадцать минут бреюсь». (Что-то слишком много времени для бритья!) Конечно, мы могли бы вообще не увидеть Стравинского, если бы пришли тогда, когда он работал в своём кабинете за закрытой дверью, — и горе тому, кто сдуру осмелился бы её открыть! Если бы, ожидая, когда он покинет своё логово, мы прошлись по дому, то могли бы обнаружить Верину памятку с подробным перечнем дел на день; сверху Стравинский нацарапал: «Прежде всего ты должна меня поцеловать». Когда наступало обеденное время, Вера обычно шла в коридор под его кабинетом и хлопала в ладоши, тем самым сообщая, что обед готов. Если готов был и Стравинский, он в ответ тоже хлопал в ладоши и выходил. «Как поживаете, мистер Стравинский?» — спросили бы мы. «Так себе, неважно», — возможно, ответил бы он с сильным русским акцентом. Затем мы сели бы обедать и к столу, наверное, подали бы великое множество спиртного. (Надеюсь, вы бы от него отказались?) Диапазон тем застольной беседы простирался бы от захватывающих обличительных тирад о музыке или искусстве вообще до излишне подробных описаний последних достижений Стравинского в области использования унитаза —

не лучшая застольная тема для гостей, но он, наверное, решил бы, что нам это безумно интересно. Заинтересовавшись каким-нибудь английским словом, Стравинский пошёл бы искать его в словаре, и за столом наступила бы долгая пауза. Он увлекался иностранными языками, свободно говорил на четырёх, использовал в своей музыке семь и даже переписал для себя целый английский словарь, когда переехал жить в Америку. После обеда нас познакомили бы с попугаем Попкой, которому позволялось летать по комнате и садиться на наши головы (чудесно, если бы только этим он и ограничился). Попка мог бы проделать свой коронный номер — открыть клетку подружки-канарейки Лысой Душки, и две птички летали бы по комнате вместе. (Снаружи на веранде стояла ещё и клетка с попугаями-неразлучниками.) Мы бы познакомились также с котом Васькой, очень важной персоной — и очень избалованной. Когда Стравинские взяли ещё одного кота, Васька так расстроился и так ревновал, что не на шутку заболел, и Стравинские в конце концов высадили того, другого бедняжку в шестнадцати километрах от дома, привязав ему на шею записочку, в которой говорилось, что кота можно подобрать (какой ужас!). (Однако он нашёл дорогу обратно в дом Стравинских — умница.)

Периодически Стравинский должен был разбирать почту. Он получал её столько, что ему даже пришлось заказать специальный огромный почтовый ящик. Очень много было писем от поклонников, просивших выслать автограф. Стравинский, пожалуй, мог ещё подумать об ответе, если к письму был приложен конверт с маркой и обратным адресом. Иногда он получал письма от людей, которых знал в далёком и туманном прошлом; такие письма чаще всего оставались без ответа — Стравинский жил в настоящем. Если же ему присылали газетные статьи или письма о его музыке, он прямо на полях делал пометки (обычно сердитые), а потом жирно подчёркивал собственные комментарии. Наконец, приходили и деловые письма насчёт предстоящих концертов. На них Стравинский, как правило, отвечал требованиями заплатить ему больше денег, предоставить больше времени для репетиций и проч.

Расправившись с корреспонденцией и решив что на сегодня хватит работать, Стравинский выпивал стакан слабого чая с хлебом и пирожными с джемом и раскладывал пасьянс — или два, если в первый раз пасьянс не сходился. После этого он взял бы нас с собой в поход по магазинам. Стравинский очень серьёзно относился к покупкам и любил прогуливаться туда-сюда по проходам супермаркета, восхищаясь аккуратно заставленными полками, но, прежде чем купить что-либо, обычно подозрительно интересовался: «Сколько это стоит?» Или же, если бы нам

совсем не повезло, он потащил бы нас в кино, где громогласно комментировал бы весь фильм и всем мешал. Затем он повёл бы нас (если бы по-настоящему был к нам расположен) в какой-нибудь шикарный ресторан, где заказал бы лучшие блюда и напитки, гонял туда-сюда официантов и завёл бы искромётную беседу (иногда отвлекаясь, чтобы нарисовать на скатерти силуэт любой из женщин в ресторане, чьи формы привлекли бы его внимание). Стравинский живейшим образом описал бы нам свои сны. Он обычно хорошо их помнил и уверял, что решал большую часть музыкальных задач во сне. Потом Стравинский, возможно, затеял бы спор или начал говорить гадости о музыке других композиторов: «Кому это нужно?» (его любимое выражение). Однако если бы он пребывал в хорошем настроении — а Вера всегда старалась перевести разговор на приятные для него темы («Он очень мил, когда не думает о музыке», — считала она) — тогда с ним было бы по-настоящему весело и мы, вероятно, засиделись бы до поздней ночи, до тех пор, пока Стравинский не объявил бы во всеуслышание: «Я пьян!». Затем мы вернулись бы к ним домой, и если бы вы остались ночевать, то на кушетке, а не на кровати (перед вашим приходом Стравинские попросили бы письменно сообщить ваши габариты, дабы убедиться, что вы подойдёте для их знаменитой кушетки). Вы должны были бы поскорее выключить свет, не то появился бы Стравинский и отругал вас за то, что вы все ещё не спите — он кого угодно бы отчитал. Поэтому лучше всего ложитесь спать и набирайтесь сил, раз вам предстоит провести ещё один день в компании этого неугомонного яйцеголового насекомого.

Музыка

Описывать музыку Стравинского в некотором смысле гораздо сложнее, чем музыку других композиторов из этой книги. Хотя их стиль в течение жизни заметно развивался, их музыкальный язык в основном всё-таки оставался прежним и только становился всё более индивидуальным и неповторимым. У Стравинского же музыкальный стиль и язык изменялись совершенно, причём несколько раз. Несомненно, Стравинский оставался Стравинским: но представьте, что какой-нибудь писатель написал бы первые книги на русском языке, а потом перешёл бы на французский, потом на английский, потом на немецкий. Большинство ранних сочинений Стравинского написаны под явным впечатлением народных сказок и обычаев его родной России — в них много волшебства, первобытных ритуалов (Стравинский обожал ритуалы) и экзотических танцев. Потом, все больше ощущая себя отрезанным от России, он взял за образец музыку восемнадцатого столетия; некоторые его произведения звучат наполовину

как старинная музыка и наполовину как Стравинский. (Он говорил: «Прошлое — это гнездо, в которое мне нравится откладывать яйца».) Наконец, когда после Второй мировой войны Стравинский снова посетил Европу, он почувствовал, что, по сравнению с тем, как пишут в Европе, его музыка старомодна. После этого он начал писать куда более «современную» музыку — полную диссонансов, где ноты, вместо того чтобы объединяться в прекрасные аккорды, бьются друг с другом не на жизнь, а на смерть.

Взгляды Стравинского на значение музыки также разительно отличались от взглядов других композиторов из этой книги. Например, Шуман считал, что всё происходящее в его жизни немедленно находит отражение в его музыке; Стравинский же полагал, что его жизнь не имеет никакого отношения к его музыке. «Музыка — это всего лишь музыка», — говорил он. Стравинский не то чтобы считал, что она ничего не выражает. Просто он полагал, что музыка выражает свои собственные эмоции, а не наши повседневные человеческие чувства. Даже кладя на музыку слова, он зачастую больше интересовался звучанием слов, а не их значением.

Стравинскому были интересны любые звуки, и старые, и новые. Ему нравилась изящная музыка восемнадцатого века, но он увлекался и джазом, сочинял регтаймы и польки. Стравинский приходил в восторг, обнаружив незнакомый ему народный музыкальный инструмент, и всё время стремился использовать новые сочетания оркестровых инструментов. (У Стравинского был поразительный слух: он мог распознать семь различных тонов в рёве пролетающего над головой самолёта.) Отчасти именно поэтому знакомство с музыкой Стравинского так увлекательно — он всегда пробовал что-то новое и неожиданное. Должен сказать, что некоторые его сочинения звучат, на мой взгляд, скорее как экспериментальные композиции, а не как великая музыка. (Может быть, я недостаточно хорошо их знаю или просто не способен понять, но таково моё мнение — в какой бы гнев пришёл Стравинский, прочти он эти строки! Он, несомненно, написал бы красными чернилами и жирно подчеркнул на полях: «Если он этого не понимает, зачем он об этом пишет?» — Извините, мистер, я просто высказываю своё мнение. — «Кому это нужно?»)

Однако, когда речь заходила о шедеврах, то, хотя Стравинский и заявлял, что его музыка не выражает человеческих эмоций, он ведь не говорил, что слушатели не должны их испытывать! Все эти оттенки, ритмы, неземные звуки — Стравинский может заставить вас смеяться, заставить вас плакать, заставить танцевать. Честно говоря, он может просто свести вас с ума! А это восхитительное чувство...

Что слушать. Я бы посоветовал начать с трёх великих балетов, принёсших Стравинскому славу: «Жар-птицы», «Петрушки» и «Весны священной». В «Жар-птице» — восхитительные, яркие краски и живые характеры. «Петрушка» полон жизни, волшебства и юмора; он о кукле, оживающей на ярмарке. Но величайшее из этих трёх произведений, по моему, — «Весна священная». Когда она была впервые исполнена в Париже в 1913 году (как балет, хотя танцоры тут, в общем-то, и не нужны вовсе — одна музыка чего стоит), произошло нечто невероятное. Люди свистели и аплодировали, шикали и кричали «браво», орали и визжали, в зале начались потасовки — и в конце концов пришлось вызвать полицию. (Год спустя музыка была вновь исполнена на концерте в Париже и опять произошло нечто невероятное, но на этот раз вызванное стопроцентным энтузиазмом: в огромной толпе Стравинского подняли на плечи и с триумфом пронесли по улицам Парижа.) Неудивительно, что «Весна» так сводила людей с ума: вдохновлённая древней русской традицией встречать приход весны, она полна странных гипнотических звуков, неистовых топающих ритмов и примитивных страстей. Послушайте эту музыку — вы испытаете изумительные чувства. (Уолт Дисней в своём старом фильме «Фантазия» использовал отрывки из «Весны священной» как музыкальное сопровождение к битве динозавров. Стравинскому это ужасно не понравилось, но, я думаю, Дисней был отчасти прав.)

Стравинский сочинил много замечательной музыки: например, «Свадебка», написанная для хора, ударных и четырёх фортепиано, изображает своими немного странными, но чарующими звуками другой старинный русский обряд — крестьянскую свадьбу, а «Симфония псалмов» — это полногласная, чистосердечная хвалебная песнь «во славу Божию». Или послушайте «Байку про лису» для музыкального театра, в основе которой лежит русская народная сказка о хитроумной лисе. У Стравинского есть также несколько забавных коротких пьес, например «Регтайм» для одиннадцати инструментов и «Цирковая полька» для пятидесяти танцующих слонов! (Когда Стравинского попросили написать эту пьесу, между ним и заказчиком состоялся довольно интересный разговор: «Для кого?» — «Для слонов». — «Сколько их?» — «Много». — «Старые?» — «Молодые». — «Ну, раз молодые, тогда я согласен».) Если захотите послушать что-то из более поздних и более строгих произведений Стравинского, я настоятельно рекомендую его последнее крупное сочинение «Requiem Canticles» — «Заупокойные песнопения» (оно звучало на его собственных похоронах). Это странная, неземная и мрачно-прекрасная музыка. Если же вы хотите услышать что-то совсем необычное,

то вот вам самое последнее произведение Стравинского — песня под названием «Совёнок и кошечка». Это чудесная музыка для детей — правда, для детей инопланетян! Тем не менее в ней есть изюминка.

Это, конечно, лишь малая часть огромного и разнообразного наследия Стравинского. Я знаю, что какие-то произведения вам понравятся больше, какие-то меньше. Но всё-таки советую начать с трёх балетов, и прежде всего с «Весны священной», — и вперёд!..

Кое-что из биографии

1. Стравинский родился в 1882 году в России, в Санкт-Петербурге. У него было два старших брата, которых он недолюбливал, отец, который был известным певцом, но отцом весьма равнодушным, и мать, которую Стравинский терпеть не мог — он считал её злой и бессердечной, — даже когда она состарилась. Единственным членом семьи, которого Стравинский любил, был его младший брат Гурий...

Ранние воспоминания...

На лето семья Стравинских обычно уезжала в деревню, и его первые музыкальные воспоминания связаны с русской деревней. Однажды он увидел огромного рыжего крестьянина, который не мог говорить, но мог быстро-быстро прокудахтать по два слога, так что получалось некое подобие песни. При этом он еще подыгрывал себе, громко хлопая рукой по подмышке. Что за вдохновляющее зрелище! В деревне Стравинский также впервые почувствовал вкус к зарабатыванию денег. Он и его брат Гурий ловили пауков (по-видимому, безобидных сенокосцев), засовывали их в банки, говорили друзьям, что это смертельно ядовитые тарантулы, и за плату давали посмотреть на опасных тварей. «Доходы были великолепные», — с гордостью вспоминал Стравинский. Хм...

2. Хотя Стравинский всегда любил музыку, он не был вундеркиндом. В юности он не проявлял особых талантов и по настоянию родителей поступил в университет, где начал изучать право (прямо как Шуман). Всё изменилось в 1902 году, когда двадцатилетнего Стравинского познакомили со знаменитым композитором Римским-Корсаковым (замечательное имя!). Римский-Корсаков предложил ему заняться композицией, правда, не в Санкт-Петербургской консерватории — он считал Стравинского слишком оригинальным для такого консервативного места. Стравинский сначала брал уроки у ученика Римского-Корсакова, а затем перешёл к самому великому мастеру.

Второй отец...

Стравинский любил Римского-Корсакова, который, можно сказать, стал ему вторым отцом — особенно после того как в 1902 году умер его

настоящий отец. Смерть Римского-Корсакова в 1908 году стала для Стравинского тяжёлым ударом, однако позднее Стравинский поссорился с его семьёй, и со временем отношения между ними вконец испортились. Когда Стравинский в 1962 году приехал в Россию, дочь Римского-Корсакова получила приглашение повидаться с ним, но отказалась. «Мы не любили друг друга пятьдесятлет назад, так почему мы должны любить друг друга сейчас?» — заявила она.

3. Стравинский женился на Екатерине Носенко в 1906 году. Они обвенчались тихо и незаметно, в одном из пригородов Петербурга, у не слишком вьедливого священника, поскольку православная церковь запрещает двоюродным братьям и сёстрам вступать в брак (друг с другом!). У них родилось четверо детей: Фёдор, Людмила, Святослав и Милена. Непростые отношения...

Пожалуй, Стравинский не был идеальным отцом. В конце концов, вряд ли его детям было приятно, когда при живой матери он сошёлся с Верой. К тому же им, наверное, трудно было соблюдать тишину, когда их отец работал. Но, по крайней мере, Стравинский сочинял для своих детей забавные пьесы, а позднее, когда они выросли, пытался помочь с карьерой. Святослав, пианист, часто выступал в концертах вместе с отцом. Стравинский много хлопотал за Фёдора, художника, помогая ему получать заказы на оформление спектаклей. Но, к сожалению, и Стравинский, и особенно Вера под конец его жизни находились в ужасных отношениях с детьми композитора. Они вели судебные тяжбы, а на похоронах Стравинского дети (которым было уже за пятьдесят и за шестьдесят) и Вера вообще игнорировали друг друга — прямо как в телевизионной мыльной опере, только с плохим концом.

4. Как композитор Стравинский мгновенно прославился в 1910 году, когда «Русский балет» показал в Париже «Жар-птицу». Труппой руководил выдающийся художественный менеджер по имени Сергей Дягилев. Его труппа произвела сенсацию своими оперными и балетными сезонами в Париже и других городах — ничего подобного никогда раньше не было! Дягилев обладал великолепным даром находить для своих постановок нужных танцовщиков, певцов, хореографов (то есть людей, которые ставят танцы), композиторов, художников (для декораций, которые всегда были важной частью его спектаклей), художников по костюмам, писателей и т. д. Благодаря Дягилеву Стравинский за один вечер стал знаменит. Безумное время...

Стравинскому, по-видимому, очень нравилось быть частью «Русского балета». Он познакомился и подружился со многими выдающимися

деятелями искусства. Все они с необыкновенной серьёзностью относились к своей работе и были уверены в том, что изменяют мир. Но увы: каждый из них считал, что его или её вклад является наиболее важным — то есть танцоры и певцы думали, что звёздами являются они, хореографы — что именно они создают представление, а музыка всего лишь сопровождает его как фон; писатели считали, что самое большое значение имеют их сюжеты, а художники полагали, что их живописные фантазии — главная приманка для публики. Угадываете, что считал самым важным Стравинский! Поэтому они часто ссорились, но и веселились тоже часто. Иногда у них бывали попойки, во время которых Стравинский принимался прыгать через обруч или бросаться подушками в других гостей (если был достаточно пьян). Известность порой ему очень помогала: однажды в Италии, в городе Неаполе, Стравинский и Пабло Пикассо, возможно самый знаменитый художник двадцатого столетия, так сильно напились, что им пришлось справиться нужду (грубо говоря, пописать) на стенку дома. За этим занятием их застал местный полицейский и арестовал. Они потребовали отвести их в местный оперный театр, что полицейский и сделал — препроводил туда обоих «хулиганов», по дороге не спуская с них глаз. Однако, когда они пришли в театр и полицейский увидел, как перед этими «хулиганами» все склоняются и расшаркиваются, он исчез в мгновение ока.

Из-за Пикассо у Стравинского ещё раз была неприятность. Однажды он вёз собственный портрет, который написал Пикассо в своем уникальном суперсовременном стиле. Портрет попался на глаза таможенникам; они посмотрели на невероятное нагромождение форм и закорючек и конфисковали картину. Они не поверили, что перед ними портрет, — они были уверены, что это зашифрованный военный план.

5. После того как труппа Дягилева в 1911 году впервые показала в Париже «Петрушку» и после скандала с «Весной священной» в 1913-м, Стравинский стал ещё более знаменит. Но жизнь его не была безоблачной. Через несколько дней после скандальной премьеры Стравинский заболел опасной болезнью — тифозной лихорадкой. Он выздоровел, но на следующий год началась Первая мировая война и Стравинский оказался в Швейцарии, отрезанный от родной России, — он посетит родину только в 1962 году. Хуже того: в 1917 году в России разразилась революция и Стравинский оказался отрезанным от всех своих русских денег! Он также поссорился с Дягилевым, который, разъезжая по миру со своей труппой, исполнял сочинения Стравинского и ничего ему за это не платил. В конце концов несколько почитателей Стравинского собрали деньги и выслали ему крупную сумму. Но он должен был кормить большую семью, так что это

были трудные годы...

Потерянная родина — и потерянные доходы...

Когда русская революция разрушила ту Россию, которую знал Стравинский, это обернулось для него весьма неприятными, последствиями. Прежде всего, в большой опасности оказались его семья и друзья, оставшиеся в России. (Его далеко не любимая мать уцелела и через несколько лет приехала жить к Стравинскому — и тем самым навсегда испортила ему настроение.) Кроме того, в глубине души Стравинский скучал по России, этой стране волшебных снегов, страстных людей и народных традиций, которые так его завораживали. Ко всему прочему он перестал получать доходы от своих произведений — не только из-за того, что русские организации больше не могли ему платить, но и потому, что опубликованные в России произведения, включая «Жар-птицу», больше не подпадали под действие международных законов об авторском праве, поскольку новое русское правительство отказалось их подписывать. Это означало, что многие произведения Стравинского можно было исполнять где угодно, не заплатив ему ни гроша. Я уверен, Стравинский был вне себя! Он сделал новые редакции своих произведений и обеспечил их авторским правом, но всё равно потерял много денег. Его собственность в России также была конфискована правительством. Стравинский потерял и ещё один, довольно сомнительный источник доходов — он с удовольствием одалживал своим русским родственникам деньги под высокие проценты. Забавная комбинация: композитор и ростовщик. В тот день, когда он закончил свой удивительный шедевр «Весна священная», он обнаружил, что утро и целый день у него свободны. Думаете, он провёл его в благодарственных излияниях по поводу завершения работы над этой восхитительной вехой в музыкальном искусстве? Ничего подобного — Стравинский целый день писал письма родственникам, требуя заплатить проценты по займу! Не самая вдохновляющая история...

6. Стравинский понимал, что на исполнении своей музыки он заработает скорее, чем на её сочинении. Он всегда относился к исполнителям с большим подозрением и потратил массу времени на переделки некоторых своих пьес для механического пианино, чтобы вовсе избавиться от исполнителей. Однако вскоре стало ясно, что механическое пианино никого особенно не интересует, и тогда Стравинский принял решение гораздо чаще выступать с концертами. Когда Европа вернулась к мирной жизни, он начал гастролировать повсюду, играя собственную фортепианную музыку и дирижируя собственными оркестровыми сочинениями. Напряженная гастрольная жизнь отнимала много времени у

сочинительства; тем не менее Стравинский смог создать ещё немало шедевров. Он никогда не прекращал сочинять. Музыкальные идеи приходили ему в голову постоянно — однажды идея осенила его в самолёте, и ему пришлось записать её на туалетной бумаге!

Дирижёры...

Как исполнитель Стравинский был вполне практичным (не считая удивительно глубокого, театрального поклона, которым он обычно приветствовал публику) — он заботился о точности исполнения, а не о проявлении эмоций. Он даже собрал целую коллекцию фотографий дирижёров с безумным или расстроенным выражением лица и любил над ними потешаться: «Кому это нужно?» Дирижируя, Стравинский был похож на хищную птицу, стремительно пикирующую на сильные доли такта и иногда, если её разозлить, способную запустить свои когти в незадачливого оркестранта.

7. Конец тридцатых годов был для Стравинского ужасным временем. В конце 1938 года умерла от туберкулёза его старшая дочь Людмила, через три месяца за ней последовала Екатерина, скончавшаяся от той же болезни. Вскоре после этого разразилась Вторая мировая война — правда, к тому времени Стравинский уже благополучно перебрался в Америку. Вера последовала за ним, и в 1940 году они поженились. Они прожили в США до конца своих дней.

Прежде всего самое главное...

Я уверен, что это был самый тяжёлый период в жизни Стравинского, но трудно сказать, что он чувствовал. В его музыке нет и намёка на горестные переживания, но именно музыка — и, конечно, Вера — поддерживали его. Как бы то ни было, его эгоизм не уменьшился ни на йоту. Через несколько лет после того как Стравинский прибыл в США, обстановка там стала довольно напряжённой и Стравинский очень серьёзно поинтересовался у своего друга, не начнётся ли революция. Друг ответил, что это вполне возможно. Стравинский пришёл в ярость. «Где же мне тогда работать?» — возмутился он. Прежде всего самое главное...

8. В 1948 году Стравинский получил письмо от молодого музыканта по имени Роберт Крафт, который собирался исполнить в Нью-Йорке одно из не самых известных его произведений. Стравинский проникся расположением к этому молодому человеку ещё до того, как они познакомились лично, и даже вызвался бесплатно чем-нибудь продирижировать в нью-йоркском концерте. Роберт (или Боб) Крафт очень сблизился со Стравинскими и последние двадцать лет жизни Стравинского жил вместе с ними — возможно, он был для них как ребёнок, которого у

Стравинского с Верой никогда не было. Для Стравинского Бобик оказался счастливой находкой — он не только помогал ему в повседневной жизни, но был ещё и таким же умным (а часто и таким же сердитым), как сам Стравинский. Крафт познакомил Стравинского с музыкой, совершенно для него неизвестной, включая новую (которой Стравинский в ранние годы так сильно сопротивлялся), — отчасти именно поэтому стиль Стравинского внезапно переменялся и стал значительно более современным. Крафт и в самом деле очень помогал Стравинскому: вёл его переписку и даже давал советы по поводу только что написанных произведений, вместе со Стравинским проигрывая их на фортепиано (не самое успокоительное занятие: Стравинский часто останавливался и пробовал новый аккорд, а затем, без предупреждения, начинал играть дальше — и орать на Крафта за то, что Крафт с ним разошёлся!). Все вместе — Стравинский, Вера и Крафт — они разъезжали с концертами: Крафт репетировал с оркестрами, которыми должен был дирижировать Стравинский (при этом Стравинский часто сидел в зале, слушал и дирижировал вместе с ним — та ещё нервотрёпка для Крафта!), а в более поздние годы дирижировал вместо него почти половиной концертов, дабы старик мог сберечь силы. (Для Крафта это было нелегко — он слишком хорошо понимал, что часть публики приходит на концерт только для того, чтобы взглянуть на великого композитора. К тому же он, несомненно, не получал и половины гонорара!) Стравинский и Крафт выпустили вместе множество книг, написанных в форме бесед между ними. Вообще-то, они всё больше становились книгами Крафта, но их основой всегда были высказывания Стравинского о музыке. Рассказывали, что в последние годы жизни Стравинский, беспомощный инвалид, лежал в постели, а Крафт в соседней комнате писал статьи и подписывал их «Игорь Стравинский» — странная идея. Но ведь и вправду никто (может быть, кроме Веры) не знал Стравинского в старости лучше, чем Крафт, и любители музыки читают эти книги с большим интересом. Сердечность сына...

У Крафта очень необычная история. Большую часть молодости он посвятил чете Стравинских: Крафт познакомился с ними в двадцать четыре года, а когда Стравинский умер, ему было сорок семь. Всё это время он должен был принадлежать Стравинским сердцем и душой. Интересно, что сказал бы Стравинский, если бы Крафт заявил, что собирается покинуть его дом и жениться? Наверное, расвирепел бы до крайности; однако этого не случилось. Многие из окружения Стравинского возмущались тем, какое положение занимает Крафт у него в доме, — и дети Стравинского, конечно, больше всех. Но для Крафта возможность жить рядом со Стравинским

перевешивала все трудности, и он всё больше привязывался к старикам. В последние годы Стравинский всё больше и больше доверял Бобу. Самым большим удовольствием для него стало слушать вместе с ним музыку, следя по партитуре. Теперь это уже была не современная музыка и даже не его собственные сочинения. Стравинскому хотелось слушать музыку великих композиторов прошлого, особенно Бетховена. После кончины Стравинского Крафт заботился о Вере до самой её смерти в 1982 году — как сын, которого у неё никогда не было. Роберт Крафт в настоящее время женат, у него есть сын, и он по-прежнему очень много работает как дирижёр. Вообще-то сейчас он записывает серию произведений — угадайте кого? — Стравинского!

9. Из всех концертных турне Стравинского, возможно, самым запоминающимся было его возвращение в Россию в 1962 году — первая поездка на родину за сорок восемь лет! Все эти долгие годы Стравинский твердил, что, в общем-то, не ощущает себя русским, но, попав в Россию, сразу же запел на другой лад. «У человека есть только одна родина, одно отечество, одна страна — у него может быть только одна страна, а место его рождения является важнейшим фактором в его жизни», — заявил он. Какая разительная перемена, особенно для человека, который никогда не отличался особой эмоциональностью речей! Это была недолгая поездка, но она произвела на Стравинского глубочайшее впечатление — находясь в России, он даже не заикался о деньгах!

Находясь в России...

...в Санкт-Петербурге Стравинский отправился на обед в честь воссоединения семьи, который устроила его племянница. Она по-прежнему жила в квартире, соседней с той, где вырос Стравинский. Племянница показала композитору портрет его прадедушки, который дожил до 111 лет и умер только потому, что родные запретили ему выходить на улицу по ночам и вечером запирали ворота дома. Он попытался перелезть через забор и упал. Когда Стравинскому исполнилось семьдесят пять, его спросили, хочет ли он последовать примеру прадеда и дожить до 111 лет. «Нет, — ответил он, — сейчас слишком высокие налоги!»

10. В конце концов Стравинский слишком ослаб и больше не мог выступать как дирижёр. Однако он всё ещё требовал, чтобы ему платили за одно лишь присутствие при исполнении его музыки. (Хотя поздние произведения Стравинского так и не стали особенно популярными, его личная слава несколько не померкла — сам Папа Римский попросил у него автограф!) К сожалению, в конце жизни Стравинский был слишком болен и не мог ходить даже на концерты. Последние пару лет он жил в Нью-Йорке

как инвалид. Это было трудное время — по крайней мере для тех, кто за ним ухаживал! Лучше всего он чувствовал себя в те дни, когда у него хватало сил слушать музыку, играть на фортепиано и даже понемногу сочинять. Стравинский умер в 1971 году, и после заупокойной службы, которая прошла в Нью-Йорке, его тело на самолёте отправили в Венецию, город каналов. Здесь с большой помпой, в присутствии множества телевизионных камер, которые всем мешали, Стравинского похоронили на русском православном кладбище неподалеку от могилы его старого друга, врага и покровителя Дягилева. Вера сейчас покоится рядом со своим любимым мужем.

Жестковат, но вкусен...

Последняя болезнь иссушила Стравинского. Голос у него превратился в шёпот, а виски приходилось так сильно разбавлять водой, что от него оставался только привкус. Стравинский часто не мог встать с постели и был безразличен к происходящему вокруг. Но иногда, особенно в его отношении к бедным медсёстрам, сквозь всё это пробивался прежний Стравинский. Он вдруг запускал в медсестру подушкой или, непонятно откуда набравшись сил, орал на них, да так, что они пугались. Однажды Стравинский пожаловался Вере, которая только что наняла ему новую медсестру: «У меня и так уже всё болит — зачем мне ещё и эта головная боль?» Вера и Крафт знали, что он чувствует себя неплохо, если, окинув взглядом медсестёр и медицинское оборудование, он вопрошал: «И сколько всё это стоит?» Ах, Стравинский... Но были также и трогательные моменты: за несколько дней до того как он умер, Вера попросила Стравинского подписать какую-то бумагу. Он взял ручку, убедился, что Вера смотрит, и вместо подписи медленно написал: «О, как я люблю тебя!» Так что Стравинский был весьма неоднозначной личностью. Как-то раз он сказал: «Если меня съест лев, он может вам кое-что обо мне рассказать. Он скажет, что старик был жестковатым, но вполне съедобным». Довольно справедливо...

/9j/4AAQSkZJRgABAQEAAZABkAAD/2wBDAAQDAwQDAwQEBAQFBQQF